Наказание Дамира

Автор:
Ана Сакру

Наказание Дамира

Ана Сакру

Керефовы #1

Дамиру Керефову, успешному молодому человеку тридцати двух лет, не нужна жена… Да какая жена! Даже постоянные связи его мало интересуют. Он женат на своей работе и его это совершенно устраивает. А женщины приходят в его жизнь, робко топчутся на пороге и тихо исчезают, ни оставляя после себя никаких следов.

Жене Дубиной, девушке-программисту двадцати шести лет, не нужен муж. Ей не нужен вообще ни один мужчина на этой планете. Она их избегает и делает всё для того, чтобы они тоже избегали её. Но одна случайная ссора в клубе, одна случайная встреча на работе после…

И их мир уже не будет прежним.

Содержит нецензурную брань.

Ана Сакру

Наказание Дамира

1.

– Жек, тебе еще принести что-нибудь? – Санька преданно заглядывает мне в глаза, и от этого мутит так, будто я уже пьяная в хлам.

Нервно одергиваю ворот водолазки, неожиданно начавший давить на горло, и с досадой отвожу взгляд.

Ну, что опять-то, Емельянов?

Две лишних стопки, и ты вдруг снова решил, что выгорит перекочевать из железобетонной, уютненькой френд-зоны на минное поле эротическо-ванильных отношений?

Да, почему я вообще, а? За что?

Хочется обхватить Санькину короткостриженую твердолобую башку и приложить к декоративной кирпичной кладке, которой отделан этот то ли притон, то ли клуб.

Но с друзьями так не поступают, поэтому вслух я громко говорю, перекрикивая музыку:

– А, давай! – и расплываюсь в улыбке, – Виски с колой, двойной.

– Окэ, – Саня, подрываясь с диванчика, лыбится наверно так же, как Вакула, когда его попросили добыть черевички, отдает мне честь, хоть с непокрытой головой и нельзя, а он у нас как-никак служил и такие вещи знает, и постепенно скрывается в танцующей толпе, направляясь к бару.

Я шумно выдыхаю и откидываюсь на спинку дивана, потирая виски. Плохая была идея, зачем я пришла? Нет, у меня иногда есть настроение потанцевать, и я далеко не затворница, но именно сегодня желания веселиться не было совсем. Надо было оставаться дома и не поддаваться на Катины уговоры. Но попробуй ей откажи…Если Кате взбрело в голову, что у нее может что-то получится с братом Сани, который приехал вчера из Австралии, то разбить эту уверенность смогут только личные заверения этого брата в том, что он голубой.

Как, впрочем, и произошло…

И вот теперь расстроенная Катя, которая всё это затеяла, а именно подговорила меня вытащить Саню в клуб и заставить его прихватить своего однополо любящего братца с собой, ушла на танцпол в поисках новой жертвы, чтобы срочно восстановить свою веру в лучшее. Саня вновь питает робкие и совершенно необоснованные надежды по моему поводу и бегает мне за коктейлями, планомерно накачивая алкоголем. У меня уже начинает раскалываться голова от грохочущей музыки, количества виски в организме и мелькающих стробоскопов. А Санин брат сидит напротив через стол и самозабвенно обнимается с каким-то тощим блондином…

Я приоткрываю глаза, косясь на них из-под полуопущенных ресниц, и тут же крепко зажмуриваю веки снова. Нет, уже не обнимаются – уже целуются…Я точно видела чей-то язык. И он будет являться мне теперь как минимум месяц в страшных снах.

Может просто уйти?

Вот только перед Саней было неудобно. Пусть это будет тебе уроком, Дубина – если собиралась окопаться дома, залипнуть на сериал и заказать пиццу, то так, и только так и поступай!

Помимо всего прочего в клубе невероятно душно. Волосы неприятно липнут к затылку, на висках и вдоль позвоночника выступает испарина, а легкие не насыщаются, как глубоко не вдыхай. Я еще и одеться додумалась совсем не для такого жаркого места: растянутая шерстяная водолазка, плотные джинсы-бойфренды, беговые кроссовки…В общем, сделала все, чтобы Саня понял, что я позвала его не флиртовать, а посидеть по-братски за парой стаканчиков. Единственный плюс в моем луке – полное отсутствие макияжа – хотя бы ничего не потечет…Я-то сама уже давно растекаюсь по кожаному дивану. Голова слегка кружится от духоты и хочется разорвать на груди водолазку. Или это все-таки от виски? Я уже плохо понимаю…

Повернувшись в сторону бара и таким образом не разглядывая милующихся голубков напротив, я мутнеющим взором пытаюсь вычленить возвращающегося Саню с коктейлями, но он всё не идет. Народу тьма, и, наверно, около бара тоже. Подпираю ладонью щеку и зеваю, думая, как бы тут в итоге не заснуть. Домой

хочется жутко и раздражает буквально всё: музыка, стробоскопы, корчащиеся в танце тела, пьяные лица, чьи-то прорывающиеся выкрики, пошлые заигрывания, лошадиный смех…

Ненавижу толпу, ненавижу людей, унесите меня домой.

Когда на горизонте вместо ожидаемого Сани с коктейлями выплывает сияющая победной улыбкой Катя, мне хочется ударить себя по лбу и одновременно закатить глаза. Потому что Катя, профессионально виляя обтянутым микроскопической юбкой задом, ведет за собой незнакомого двухметрового мачо, по виду только что выпрыгнувшего из какого-нибудь тупого турецкого сериала. Или не турецкого…

Но точно восточного или кавказского. Ко мне, ведомый Катериной, приближался жгучий брюнет с идеальным лицом для рекламы мужского парфюма и, судя по тому, как обтягивали его тело белая рубашка и темные джинсы, идеальной фигурой для рекламы мужского белья. Где-то в глубине души даже шевельнулась гордость за подругу – отхватить такой экземпляр при столь высокой конкуренции. А еще глубже начали попискивать собственные инстинкты, напоминая, что на мне растянутая водолазка и ни грамма косметики.

И это разозлило! Я что, серьезно хотела бы такому понравиться? Пф-ф-ф…

Нет, ни за что. Мы явно из параллельных вселенных. Да и он просто ищет с кем бы провести ночь, а я…Я точно не подхожу для такого.

Подумав так, я с ленивым любопытством уставилась на приближающегося мачо, злорадно подмечая, как каменеет его идеальное восточное лицо при виде обнимающихся по левую сторону от меня голубков.

Упс, да у нас тут почитатель традиций и по совместительству махровый гомофоб.

Похоже, сериал я сегодня вечером все-таки посмотрю. Точно комедийный и возможно даже немного остросюжетный.

Катя, присмотревшись к неординарной обнимающейся парочке и тоже слегка ошалев, замедляет шаг. Мачо оказывается вровень с ней, и становится видно, что она крепко держит его за руку. Так крепко, что я замечаю, как напрягаются мышцы на ее предплечье – будто боится, что красавчик убежит…

Впрочем, учитывая ситуацию, шансы велики.

Он, кажется, даже слегка побледнел. Меня это забавляет, и я, не отводя от его перекошенного лица любопытного взгляда, вслепую нащупываю полупустую пачку сигарет на столе. Чиркаю зажигалкой, хмурясь от попавшего в глаза дыма, и выпускаю сизую струю вбок. Только тут мачо замечает меня и пронзает таким же недружелюбным взглядом, как и парочку голубков. Я нагло улыбаюсь этому снобу, выгибая бровь и снова глубоко затягиваюсь, всасывая щеки. Мачо двигает губами будто мечтает плюнуть мне как минимум под ноги и отводит мерцающие во вспышках стробоскопа черные глаза.

Видимо, курящие девушки ему тоже не по душе.

Тем хуже для него, потому как Катя тоже курит, хотя сейчас наверно не признается в этом и под страхом смертной казни – так благоговейно пялится на него, приоткрыв накрашенный рот.

После секундного замешательства моя подружка подается к мачо, встаёт на цыпочки и начинает что-то возбужденно ему говорить, махая рукой в сторону нашего развратного столика. Красавчик медленно кивает, вновь мазнув недобрым взглядом по мне и голубкам, и они с Катей снова начинают двигаться в нашу сторону. Я поудобней подставляю кулачок под щеку, наблюдая.

Жалко, что Сани так и нет – не с кем поспорить, что дело закончится мордобоем.

Кстати, где он вообще? Сколько можно заказывать этот несчастный коктейль? Такое пропускает…

Я двигаю к себе пепельницу и как раз впечатываю в нее окурок, когда рядом со столом вырастает Катя и ее широкоплечий спутник. Ощущаю на себе его колючий взгляд, буквально вдавливающий в диван, когда поднимаю на них

глаза.

Мужик всё-таки красивый…

Даже тянет стушеваться и поправить вечно вихром встающие прядки в моей мальчишеской прическе. Идиотизм…

Он так презрительно смотрит, что меня не то что расческа не спасет, а даже вагон первоклассных стилистов…

– Жека, знакомься, это Дамир! – орет Катя, пытаясь перекрыть оглушающие биты, долбящие из колонок, и хватает за руку этого самого Дамира так крепко, как Роуз не держалась за дверь во время кораблекрушения «Титаника».

– Жека – Дамир, Дамир – Жека, – продолжает нас знакомить подруга.

Мы одновременно киваем и бормочем себе под нос "здрасьте". После чего господин Дамир хмуро добавляет:

– Никогда не одобрял, что здесь разрешают курить.

Я лишь беспечно пожимаю плечами и широко улыбаюсь. Ну, и сидел бы дома! Или эскорт больше на дом не выезжает?

– А это Эдик, – машет Катя рукой в сторону брата Сани, наконец-то отлипшего от своего паренька, – Правда сейчас он Эдвард. Он в Австралии живет.

Последнее предложение Катя произносит, будто извиняясь, и невинно хлопает глазами, заглядывая в недовольное лицо своего пойманного мачо. Словно объясняет нынешней австралийской пропиской, почему язык бывшего Эдика только что шерудил во рту у другого мужика.

Дамир снова сухо кивает, расчленяя при этом Эдика ледяным взглядом. Вставший было для приветствия Эдик слегка зависает, ощущая недружелюбный к нему настрой, но потом все-таки улыбается и подает мачо руку через стол.

– Приятно познакомиться, Эдвард, – произносит он с заметным акцентом.

Дамир кашляет в кулак и обводит ленивым взглядом зал.

– Ты говорила сумку надо взять? – обращается к Кате после звенящих пары секунд, – Так бери и пойдем.

У бедного Эдварда от обиды объективно отпадает челюсть. Видимо в Австралии так с ним не поступал никто. Он хватает воздух ртом, мгновенно багровея, набирает побольше воздуха и явно собирается что-то гневное сказать, но тут подскакивает паренек, которого Эдик целовал.

– Да нет, что вы, садитесь, – парень заискивающе улыбается Дамиру и одновременно тянет оторопевшего Эдика за локоть, – А мы танцевать собирались. Да, Эдвард, да???

Эти "да" как крики "забей на него", и их понимают все, кроме багровеющего Эдика, который уже заносит указующий перст, чтобы тыкнуть им в Дамира и поведать о либеральных ценностях.

– Да пойдем уже! – орет блондинчик и с силой дергает Эдика на себя.

Тот теряет равновесие, и они чуть ли не кубарем скатываются с диванчика.

– Пойдем, дорогой, – тонет в громыхании музыки, а через несколько мгновений их поглощает танцующая толпа, густой полумрак и мерцание стробоскопов.

Катя смотрит им вслед, а потом нерешительно улыбается Дамиру.

– Ну что? Присядем тогда? Ненадолго…

Красавчик переводит тяжелый взгляд на меня.

– Ну…– обреченно вздыхает в мою сторону, – Давай.

2.

Я снова озираюсь в поисках куда-то пропавшего Сани, постукивая зажигалкой по столу. Перспектива одной сидеть напротив обнимающейся парочки и ощущать себя лишней мягко говоря не кажется мне заманчивой. Даже немного привстаю со своего места в попытке высмотреть бритую макушку Емельянова.

Бесполезно, как сквозь землю провалился. Он здесь еще вообще?

– Эй, парень, – пренебрежительно свистит кому-то Дамир и машет рукой в мою сторону, – Женя же, да?

Я на секунду застываю. А потом медленно поворачиваюсь к похоже подслеповатому мачо. Парень…Это он мне???

– Слушай, – Дамир чешет свой идеальный нос свернутыми вдвое банкнотами и небрежно швыряет их на стол, – Будь другом, за шампанским метнись и тарелкой какой-нибудь сырной. Сдачу можешь себе оставить. За ноги.

Криво улыбается и откидывается на диван, одну руку занося за Катину спину. Я отупело пялюсь на две пятитысячные бумажки, разлетевшиеся около пачки сигарет. К горлу подкатывает разъедающий ком. В ушах начинает характерно шуметь от повышающегося давления.

Что за придурка Катя сюда привела?

Даже если он решил, что я парень, это что? Дает ему право вот так разговаривать с незнакомым человеком? Медленно поднимаю глаза на продолжающего лениво ухмыляться красивого козла, в то время как Катя начинает сбивчиво объяснять ему его оплошность.

– Дамир, Женя -девушка, подруга моя, – лопочет Катерина.

Тот неверяще хлопает даже в полумраке заметными густыми ресницами и смотрит на меня внимательней, хмуря высокий лоб.

– Так что сам метнись! – добавляю я. И, схватив купюры со стола, комкаю их в плотный шарик и кидаю в красивое козлиное лицо.

Хотела прямо между бровей, чтобы что-нибудь там у него там открылось и прозрение наступило побыстрей, но в итоге случайно попадаю прямо в левый глаз.

Кажется, сильно попадаю, так как Катя испуганно взвизгивает, а Дамир вдруг взвывает, прикрывая глаз рукой и исторгая длиннющую фразу на нерусском, заканчивая ее правда вполне обыденным "…охренела что ли???".

– От охреневшего слышу, – кусаюсь я в ответ и нервно тянусь за еще одной сигаретой, бурча, – Мама в детстве вежливости не учила? Как там себя с незнакомыми надо вести…

– Жека, твоё! – Саня вырастает рядом со мной с двумя наполненными стаканами ровно в тот момент, когда мачо подается ко мне через стол, гневно хрипя и метая злобные молнии одним здоровым глазом:

– Не смей упоминать мою мать, баба- мальчик или кто ты там вообще, я понять не могу! – выплевывает Катин ухажер, нависая надо мной через стол.

Я невольно вжимаюсь в спинку дивана, пытаясь увеличить расстояние между нами, сжимаю кулак и случайно ломаю вытащенную сигарету.

Черт, одни неприятности от этого мужика, а! Шел бы он уже…с Катей…

Но, оказывается, неприятности только начинаются. Потому что тут в наш занимательный конфликт решает встрять Саня.

– Э, ты кто такой? – басит грозно Санек, упираясь кулаками в бока и демонстрируя впечатляющий разворот могучих плеч и накаченные банки, – Шел бы отсюда, фраер южный, пока цел!

– Это ты-то меня цельности лишать собрался, Алешка? – презрительно хмыкает Дамир, тут же забывая про меня и с каким-то восторженным азартом в черных глазах взирая на Саню, – Ну, давай! Попробуй…

– Рискну, пожалуй, да, – Саня демонстративно заламывает пальцы, хрустя суставами, и разминает шею, вертя головой.

– Не надо! – жалобно пищит Катя, хватаясь за выходящего из-за стола Дамира, – Может пойдем, а???

– Не переживай, я быстро, – хмыкает красивый козел, вызывая у многоопытного Сани чуть ли не истерический смех.

Мне становится совсем не по себе. Ну куда вот этот Дамир лезет, а? Если он наивно полагает, что Саня просто качок, тягающий железо в спортзале ради селфи, то это он очень зря. Саня – профессиональный боец…А судя по взгляду Емельянова, профессиональный боец, готовящийся убивать.

– Сань, не надо, а? – это встреваю уже я, с мольбой заглядывая Емельянову в глаза, – Ничего ж такого не произошло.

– Он тебя обидел. Будет знать! – отрезает Саня и ставит стаканы с виски- колой на стол, чтобы не мешались.

– Са-а-ань…– просительно скулю я, тоже подрываясь с дивана.

– Выйдем? – в это время деловито интересуется Дамир, закатывая рукава рубашки.

– Да и тут тебе по лбу дам, – почти дружелюбно басит Саня, – Одного раза хватит с тебя.

– Ну, как знаешь, – Дамир разводит руками, с сомнением оглядывая забитый людьми клуб, то ли высматривая охранников, то ли ища место поудобней…

И тут Саня бросается вперед. Так быстро, что я успеваю только охнуть, не до конца уловив его движение. И охаю еще громче, когда становится понятно, что Дамир в отличие от меня не зевал, и успевает отклониться в сторону, из-за чего Саня пролетает мимо, а потом и вовсе спотыкается о подножку и грузно валится на пол.

Сердечный ритм бешено тарабанит в ушах, в кровь впрыскивается ударная доза адреналина, на губах застревает протестующий крик, когда я словно в замедленной съемке вижу, как этот красивый козел разворачивается на пятках к повалившемуся ничком и распугавшему людей на танцполе Сане, делает быстрый шаг в его сторону и…

Я не уверена: музыка долбит, кто-то кричит, стробоскопы мигают во мраке, выхватывая статичные картинки…Я не уверена, но мне кажется, что этот Дамир собирается наступить Сане прямо на лицо. И я с криком бросаюсь на него, рефлекторно вспоминая, с каким удовольствием я луплю на тренировках боксерскую грушу…

Ударить человека – это совершенно особенное, ни на что не похожее ощущение.

Это больно без перчаток, это будоражаще и это что-то такое запретное, от чего тебя буквально сносит от разом захлестывающих эмоций.

Так сильно, как сейчас, я еще не ударяла человека никогда. Дамир был выше меня, стоял ко мне боком, и единственное болезненное место, до которого я могла с комфортом дотянуться, была его челюсть. И то получилось немного смазано – под подбородок слева. Рука тут же онемела от вспышки боли в костяшках, Дамир резко мотнул головой и пошатнулся, теряясь. Я скрючилась, обнимая ушибленную ладонь. Санька успел подняться…

И тут подскочили охранники, которым я сейчас была искренне рада.

Ну, вот и отлично, сейчас вышвырнут нас и все. Лишь бы на улице не продолжился весь этот дурдом.

***

Как нас оперативно вывели в светлый холл, я почти не поняла – всё еще пребывала в легком шоке от своей собственной безрассудной смелости. Иллюзий я не питала – если бы этот Дамир захотел и успел бы мне ответить – он бы меня к праотцам отправил одним ударом. Может и не такой мощный как Саня, но все равно внушительный красивый козел обладал еще и, как показала эта короткая драка, неплохим опытом и отличной реакцией. От меня он пропустил удар только потому, что и в страшном сне его не ждал.

И, судя по тому, как он сейчас сверлил меня тяжелым взглядом исподлобья, потирая распухшую слева челюсть, поверить в произошедшее Дамир не мог до сих пор. Я невольно попыталась подойти поближе к Сане под этим прибивающим к полу взглядом, но охранник лишь сильнее перехватил меня за локоть, и я послушно замерла.

– Дамир Тигранович, вы? – удивленно воскликнул один из секьюрити и отпустил красивого козла, отступая от него на шаг, – Простите, темно там! Не разобрались.

– Ничего, понимаю, – Дамир с брезгливо – хмурым видом стал обратно раскатывать засученные рукава рубашки. И будто невзначай кивнул в нашу с Саней сторону.

– Этих на улицу.

– Да, – с готовностью отчеканил охранник, держащий Саню, и тут же подтолкнул его в сторону входной двери.

Дамир в последний раз мазнул по мне непроницаемым взглядом, погладив припухшую челюсть, в сторону Сани даже не повернулся и ушел обратно на танцпол.

– Козел, – пробубнил Саня себе под нос.

Я согласно кивнула, ощущая какое-то невероятное опустошение внутри. И смутную обиду…

Он ведь решил, что я "парень"…Так неприятно от этого было почему-то. Понятно, что в клубе темно, и моя прическа, одежда…Но все равно внутри раздражающе скребло.

Интересно, а вот он меня сейчас в холле увидел при свете и…Что подумал?

Сама я себя считала симпатичной…Саня вот считал, что даже очень…А этот??

Черт, почему я вообще об этом думаю!

Я тряхнула головой, пытаясь выкинуть из нее красивого козла Дамира. Все равно, сто один процент, что и не увижу его больше никогда. И это хорошо.

На улице было по- весеннему свежо.

Если днем уже устоялась вполне теплая погода, то ночью отметка на столбике термометра еще подкрадывалась к нулю. Я зябко поежилась, вжикая молнией куртки до самого горла, спрятала подбородок в высокий ворот, косясь на удаляющихся секьюрити. Последний заходящий охранник громко хлопнул входными дверьми, всем своим видом показывая, что дорога в клуб нам с Саней теперь заказана.

Я закатила глаза и ударила себя по карманам, ища пачку сигарет.

Чё-ё-ёрт. Дерьмовый, дерьмовый вечер. Совсем. Осталась без сигарет в этой суматохе.

– Ну, что, Жек, такси? – вздохнул Саня, приобнимая меня за плечи.

Достал телефон из кармана джинсов и, открывая нужное приложение, тихо засмеялся:

– А хорошо ты его, конечно. Но больше так не делай, а если бы он в ответ?

– Больше не буду, да. Я что-то прям сама себя испугалась, – согласно кивнула я, – А Катя как же? А Эдик?

– Звони Кате, я – Эдику. Если что, без них уедем. Взрослые, сами разберутся, – отмахнулся Санек.

3.

Сквозь плотную муть, царящую в голове, едва различаю трезвон будильника. Шипя, тянусь к телефону, вырубаю мелодию с третьего раза и снова проваливаюсь в вязкий сон.

В следующий раз приоткрываю один глаз, когда Саня, оставшийся спать на диване в гостиной, начинает тормошить меня за плечо.

– Женька, тебе на работу не надо?

– Отвали, – хриплю в ответ грозно и запускаю в него подушкой.

– Ну, как знаешь, я пошел, – хмыкает Емельянов и отстает.

Я снова плотно закрываю глаза, проваливаясь в сон.

Как хорошо, что у меня английский замок и провожать Саню не надо. Конечно, пару раз я оставалась из-за этого несчастного самозахлопывающегося замка в одних тапочках на лестничной клетке. Но это лишь доказывает, что нет в жизни совершенства.

У всего есть обратная сторона. Вот вчера ночью нам, например, с Саней было очень весело вспоминать прошедший вечер и в тысячный раз обсуждать ошалелое выражение лица Дамира Тайгаровича, или как там его, получившего по щам от дамы.

Вчера было весело, а сегодня встать не представляется возможным.

Доехав со мной на такси, Саня купил виски из-под полы в ближайшем "24 часа", колу и пачку сигарет. Я достала лед из морозилки и обжарила креветки с чесноком. Нам было весело и вкусно почти до трех ночи. Но, ближе к трем, когда мы вышли на общий балкон парадки, Саня неожиданно вдруг решил, что мне жуть как холодно стоять в одной футболке и пижамных шортах, и решил меня обнять. А потом еще более неожиданно полез целоваться…

Вернувшись в квартиру, я убрала остатки вина и креветок в холодильник и, молча, разложила Сане диван в гостиной. Он не возражал. Привык. И наверно даже ждал такого окончания нашего маленького пира, под копирку

повторяющее десятки предыдущих.

Мой психолог Елена Леонидовна говорит, что у нас не совсем здоровые созависимые отношения, но мне в принципе ср…все равно, что она там говорит.

Когда Саня не пристает, мне с ним спокойно и хорошо. И на свете слишком мало людей, о которых я могла бы сказать тоже самое.

Вот только не встать теперь…Ну кто напивается в среду?

В третий раз за это утро меня будит гневный и настойчивый звонок от Тимофея. Я бы с удовольствием не брала, но он всё-таки босс.

– Эй, Женька, ты где? – недовольный Тимкин голос с трудом прорывается в мое плывущее сознание.

Тем более, что слышно Тимофея объективно плохо. Шум оживленной улицы заглушает слова, наполняя их хрипением и треском.

– Ты помнишь, что у нас встреча с клиентом в одиннадцать? Ты мне там нужна! Если через полчаса в офис на подскочишь – езжай сразу на Межевой. Я там тебе геолокацию скину к какой проходной…Жень…Ты меня слышишь вообще?

– А- а? – хриплю я голосом, достойным Омена, – Тим, слушай, я вообще…прости…Заболела…

– Чт..Что???? Ты бл…издеваешься??– Тимофей тут же переходит на зубодробительный фальцет, как бывает с ним в минуты только наивысшего волнения.

На вас когда- нибудь орали фальцетом? Поверьте – жуткие ощущения…А с похмелья так вообще.

– Ну – ка быстро жопу подняла! Там миллионы! Жека!!! – от так яростно пищал, что мне показалось, что из динамика до щеки долетела слюна.

– Может, Колю? – всхлипываю я, пытаясь сесть.

И тут же падаю обратно, покрываясь слабой испариной. Вертолеты, мать его…Кажется, меня сейчас вырвет.

– Коля – дизайнер! – гневно попискивает в принципе разумные вещи Тимофей, – На кой сдался дизайнер при создании складской программы??? Быстро встала и пришла!

– Хорошо, – шмыгаю носом я и сажусь на одной силе воли.

– Хорошо? – переспрашивает Тимофей, будто не веря, что ему удалось.

– Ну раз там миллионы… В половину буду у порта. Локацию присылай, – обреченно вздыхаю я.

– Ок, сейчас вышлю, мне Дамир Тигранович только что прислал…– бормочет Тимка, отдаляясь и, судя по его пропавшему почти голосу и усилившемуся шуму проезжающих машин, уже копается в телефоне.

А у меня бросает в холодный пот. Кто прислал?

– Это кто такой? – хриплю невнятно, ощущая, как сильно задрожали пальцы.

Да не…

Быть не может, что тот. Тот Тайгарович был…Вроде. И, похоже, хозяин этого клуба несчастного. Причем тут порт?

– Керефов Дамир Тигранович, генеральный ОАО "РЗК", серьезный мужик. Мы его отцу в сети хостелов делали общую программу, помнишь? – бормочет Тимофей, отправляя мне координаты нужной проходной по вотсапу.

– М-м-м, помню… – тяну я, кусая губы, – А клуб у него есть, не знаешь?

– Да нет вроде, – рассеяно сообщает Тим, – Я пробивал. Ну так, ради интереса… Все активы в порту. А что?

– Фух, – выдыхаю с откровенным облегчением и, наконец, встаю с кровати, – Да так, забей…Имя просто… Как у одно козла…

– Ну, Дамир – распространенное имя, – философски заключает Тимофей.

– Ага, ну все, давай, пока!

Я отключаюсь и пулей устремляюсь в ванную, чтобы начать приводить себя в более-менее приличный вид. Все-таки миллионы…

***

Припарковаться на Межевом оказывается целым квестом, который я не способна осилить в своем нынешнем состоянии. Приходится проехать аж до Двинской и почти полкилометра буквально бежать до нужной проходной, слушая, как истерически разрывается мобильник в сумке- мешке, перекинутой через плечо и больно ударяющей меня по заднице. Словно Тимофей сговорился с моими вещами и немилосердно гнал меня вперед.

Хорошо, что я не каблуках. В лоферах бегать не в пример удобней.

Плохо, что на улице весенняя слякоть, и к концу моего спринтерского броска они уже не такие блестящие, как в его начале.

Зато теперь все пришло в гармонию: моя одежда так же неопрятна и помята, как и мое зеленоватое несмотря на слой наложенной штукатурки лицо.

Успокаивает только то, что вряд ли этот самый "серьезный мужик" Дамир Тирганович ждет, что к нему вместо двух зачуханных программистов явятся Джеймс Бонд и модель с показа Виктория Сикрет. Скорее наоборот, наш потертый с Тимохой вид лишь убеждает подобных людей, что в компьютерах мы действительно что-то понимаем. В отличие от жизни. Почему-то большинство людей уверено, что это невозможно совместить.

Впрочем, завидев издалека своего босса, Тимофея Райкина, я склонна с этими людьми согласиться.

Тима как обычно. Похож на жирафа, который не знает куда себя в окружающем пространстве деть. Неуклюжий, неловкий и сконфуженно смешной. Но при этом от него исходит такая аура, что ты вдруг сразу понимаешь, что этот долговязый парень наверно гений.

Когда я вижу его длинную сгорбленную фигуру, нервно расхаживающую у проходной, мне хочется закатить глаза. Нет, Райкин почти причесался, соорудив хвостик в основном без петухов, надел пиджак и рубашку, и даже сменил вечные спортивные штаны с пузырями на коленях на вполне приличные брюки, вот только…

Почему эти брюки тебе по щиколотку, Тимох?

– С какого ребенка ты их снял? – фыркаю я вместо приветствия, когда подхожу к боссу ближе, и выразительно кошусь на выглядывающие из- под штанин его классических брюк желтые носки.

– Шьют на коротышей, – бубнит Райкин, подталкивая меня к посту охраны и на ходу доставая паспорт, – А на любимых моих пятно оказалось, представляешь?

– Представляю… – улыбаюсь я, – Меньше есть надо за монитором.

– Не умничай, паспорт давай. Кстати отлично выглядишь, Жень, – переводит Тим тему, окидывая меня быстрым оценивающим взглядом, – Почти дама…

– Заткнись, – пихаю его вбок и лезу в сумку за документами, – Сам сказал – миллионы. Надо соответствовать…

На этих словах я нервно оттягиваю черный галстук- селедку, тут же почему-то впившийся в шею. Не люблю весь этот парадный вид. Узкие синие брюки, строгая рубашка- туника, лоферы…Чувствую себя всегда немного скованно в таких официальных, откровенно офисных вещах. Пальцы нервно проходятся по светлому стриженному ежику на затылке, а потом пытаются привычным жестом заправить за ухо недостающую туда короткую челку. Привычка, от которой я не могу избавиться уже как лет пять.

Длинные волосы исчезли, а попытка заправить их за ухо нет. Наверно так же люди пытаются писать ампутированной рукой.

– Кстати, в курс дела введешь? – интересуюсь я у Тимофея, когда мы, получив пропуска, направляемся к его машине, чтобы заехать на территорию порта, – Ты кроме того, что на встречу ездил, ничего не говорил.

– Да, все очень быстро срослось. Керефову нужно срочно, отец его назвал нас, он позвонил, объяснил суть, сказал про сжатые сроки. Я сказал, что сможем. Ну, и вот, вуаля! – Тим пикнул сигнализацией и распахнул передо мной переднюю пассажирскую дверь.

– Сейчас обсудим технические детали, предметно поговорим. Если договоримся, то на днях уже подпишем, – быстро тараторит Тимофей, заводя машину, – У них стоит импортная логистическая система, но у разработчика появились проблемы с продлением лицензии в нашей стране, и они перестали обслуживать софт должным образом. А в фирме Керефова добавились контейнерные перевозки, требуется небольшая адаптация программы. Так как лицензии теперь нет, то изменения мы спокойно можем внести сами. Но это надо сделать быстро. Разобраться в коде, отладить, их админам показать. Задача ясна?

– Да, – пожимаю плечами я. Ну, на слух легкотня, – А на какой системе сейчас сидят?

Тимофей называет, и я теряю весь задор. Черт, у них защита как у ЦРУ. Что-то с легкотней я погорячилась…

– А сроки какие? – хриплю, тря переносицу и ощущая, как возвращается похмельная головная боль.

– Месяц, – беспечно, а в данной ситуации, по моему мнению, просто безумно улыбается Тимофей.

– С ума сошел…– закрываю лицо рукой я, – Может им проще новую прогу слепить?

– За месяц? – иронично выгибает бровь Тимоха, а потом хмурится и тише добавляет, – Может и проще…Сейчас решим все…

– Оке-е-ей, – тяну я, откидываясь на сидении.

Он у нас босс – ему видней. Я всего лишь тестировщик. Внешне здание управления ОАО "РЗК" не производит на меня никакого впечатления. Безликое бетонное строение в четыре этажа, возведенное явно еще в советские времена. Немного в отдалении от общих административных построек, серое, унылое, в окружении бесконечных контейнеров и погрузочных кранов на рельсах. Единственное, что было в нем примечательным, это батарея дорогих тачек на парковке перед входом. Судя по их разнообразию, зарабатывали в ОАО "РЗК" хорошо.

Только сейчас мои пальцы потянулись к поисковику в телефоне, чтобы набрать "РЗК" и узнать о заказчике подробности – до этого в немного отупевший с похмелья мозг такая светла мысль просто не приходила, н Тимофей уже хлопал дверью, покидая салон. Я с досадой отложила телефон. Ладно, сейчас и без поисковика все узнаю.

Насколько непримечательным был офисное здание снаружи – настолько богато оно оказалось отделано изнутри. Я даже притормозила, шагнув за стеклянную вертушку, ощущая себя Алисой, провалившейся в кроличью нору. Гранитные белые колонны, пальмы по углам, старинные морские карты, выложенные мозаикой на стенах – все это производило неизгладимое впечатление, особенно на фоне контраста с внешним видом ОАО "РЗК".

Это неожиданно нервирует. Здесь слишком фундаментально, вычурно, с претензией на роскошь. Мы точно потянем такой проект? И где нас закопают, если нет?

Я мотаю головой, прогоняя пораженческие мысли, и тут же кривлюсь от прострелившей виски боли. В глазах на мгновение темнеет. Нет, резкие движения сегодня не мой конек…

Тимофей тем временем уже оккупирован какой-то длинноногой моделью, старательно изображающей секретаршу генерального.

– Здравствуйте, я – Элина, прошу за мной. Дамир Тигранович вас уже ожидает…

Мы переглядываемся с боссом, иди позади Элины и пялясь на то, как бодро подпрыгивают ее круглые ягодицы в очень тесной юбке – карандаше.

– Очень вдохновляюще, – жарко бормочет Тимоха, – Я уже готов работать тут сверхурочно…

– Боюсь, эти «сверхурочно» уже заняты непосредственным руководителем, – шепчу одними губами я в ответ, ехидно улыбаясь.

– Простите, что? Не расслышала…– поворачивается к нам Элина, простреливая льдистыми голубыми глазами и растягивая пухлые губы в ненатуральной улыбке.

– Нет- нет, ничего, – Тимофей краснеет, как нашкодивший драный кот, но при этом все равно пялится на ее блузку, натянутую вызывающе упругой тройкой.

Элина перехватывает его взгляд и явно расслабляется, улавливая знакомые ей реакции. Слегка пренебрежительно косится в мою сторону, мол, завидуй молча, девочка, на тебя так разве что зек после десятилетней отсидки облизнется, и широким жестом приглашает нас в приехавший лифт.

Стерва.

Если бы я хотела, чтобы на меня так смотрели, я бы наверно сейчас не в лоферах и безразмерной тунике была…

– Нам на четвертый, – сообщает она будто дебилам, нажимая кнопку «четыре».

Да, она просто мне уже не нравится… Бывает.

Просто сложно ее представить только хорошим профессионалом с такими сосательными губами…Тимофею тоже, учитывая то, как он на эти губы смотрит.

Четвертый этаж был еще более вычурный, чем первый. Белый мрамор стен, развешенные ретро фото порта, светлый гранит под ногами, по которому так

гулко цокали шпильки, задевая мои расшатанные пьяным недосыпом нервы. Череда массивных дверей, своей редкостью указывающих на размер кабинетов. И какой-то тихий, едва уловимый гул за ними. Чувствовалось, что тут полно людей, что все они работают, но пространство и добротные материалы крадут звуки, создавая вакуумную тишину.

– Прошу, – говорит Элина и, вопреки своему же приглашению, вплывает первая в очередную массивную дверь.

Мы с Тимофеем оказываемся в белоснежной приемной. Элина небрежным жестом указывает нам на кожаный диван рядом с большим секретарским столом, на котором царит идеальный порядок. Мы было садимся, но не успеваем опуститься полностью, как она, предварительно поскребшись в следующую дверь, лопочет «Дамир Тигранович, к вам», а потом нетерпеливо кивает нам, чтобы заходили.

Тяжело вздохнув, плетусь за заметно напрягшимся Тимофеем, мечтая только об одном – сесть побыстрее куда-нибудь, попросить у этой Элины ведро минеральной воды и сделать вид, что внимательно слушаю.

4.

Райкин заходит в кабинет генерального первым, и первые секунды его спина закрывает от меня того, кто сидит за большим дизайнерским столом напротив. Не теряя времени даром, бегло озираюсь по сторонам. Все те же белые стены, только теперь покрытые декоративной кварцевой штукатуркой, светлый гранитный пол, распахнутое окно несмотря на еще прохладную весну, пепельница на широком подоконнике, стеллажи с документами по одной из стен, у второго окна два глубоких кожаных кресла и журнальный столик между ними, тонкий запах табака, улицы, терпких мужских духов… Я делаю шаг в сторону от спины Тимофея, продолжая рассматривать кабинет.

– Здравствуй…

Глубокий мужской голос обрывается на полуслове, а меня бросает в жаркий пот.

Этот тембр, отдающий назойливой вибрацией в самой груди…Я его помню.

Это же…Резко поворачиваюсь.

Блять.

– …те, – заключает Дамир Тигранович, пожирая меня черными – пречерными глазами.

Вернее, правым черным, а левым воспаленным, слезящимся и красным. Воспаленным и очень злым. Я недоуменно моргаю, пялясь в ответ. Это у него что? Из-за той несчастной бумажки что ли, которую я кинула? Так бывает? Боже мой…

Керефов сурово сдвигает брови над переносицей и сглатывает, дергая кадыком. Зачарованно ловлю это движение глазами, с каким-то невероятным чувством облегчения подмечая, что если на челюсти у него и остался синяк после моего кулака, то под бородой не видно.

Вспомнив об ударе, непроизвольно касаюсь пальцами сбитых костяшек на своей правой. Керефов опускает взгляд на мои руки, отмечая этот жест, и становится еще мрачнее. Хотя, я была уверена, что дальше некуда. Просто злобный, бородатый, почти одноглазый пират…

От бешено загрохотавшего сердца кровь приливает к моей голове, становится нечем дышать, и я нервным движением ослабляю галстук – селедку на шее.

И вижу, как Керефов делает тоже самое. Точно таким же жестом, зеркально повторяя меня.

Его блуждающий по мне взгляд застывает на моих пальцах, вцепившихся в ткань несчастной селедки, губы шевелятся в неслышном, но отчетливом "блять", и он первый одергивает руку от своего воротника, оставляя галстук в покое.

На смуглом лице Дамира появляется такое выражение, будто именно этот момент был для него самым оскорбительным. Когда он случайно мое движение повторил. Керефов поджимает губы в твердую линию, мажет по моему

пошедшему пятнами лицу нечитаемым теперь уже взглядом и наконец отворачивается к Тимофею, протягивая ему руку.

А мне хочется сползти по стенке и умереть.

Да, Тимка, сорвались, похоже, твои миллионы…

Но мой наивный и верящий в лучшее босс, кажется, ничего не замечает. Старательно улыбается Керефову, энергично тряся его смуглую ладонь. Да и для него прошла одна секунда – не больше. Это у меня, кажется, полжизни перед глазами отмотало.

– Дамир Тигранович, очень рад снова встретиться с вами, – бодро рапортует Райкин, – Знакомьтесь, это Евгения Ду'бина, мой тестировщик. Очень толковый программист, мы давно работаем в тандеме. Она будет помогать отлаживать систему, находить ошибки и помогать их устранять, что значительно ускорит процесс. Также обучение вашего персонала новому интерфейсу – тоже её зона ответственности. И по функционалу все вопросы тоже будут к ней.

– Незаменимая какая, – подает голос Керефов, стрельнув в меня сощуренными глазами и на мгновение растянув губы в ледяной улыбке.

– Да, она у нас – настоящая соль, – смеётся Тимофей, в упор не замечая, что Керефов взглядом меня только что чуть не расчленил.

– Соль? – удивленно вскидывает одну бровь Дамир, снова поворачиваясь к нему.

– Ну, знаете, как в сказке, – начинает объяснять Тимофей, а мне хочется закатить глаза.

Ну, что он вечно несет? Зачем это? Вот настоящий…программист.

– Сказка была такая, – продолжает вдохновенно Тимофей, – Король попросил своих дочек принести то, с чем он у них ассоциируется. И вот младшая принесла соль, сказав, что может и не вкусно, и много не съешь, но без нее жизни нет…да…

Райкин смущенно чешет затылок и начинает мяться под тяжелым, все таким же слегка недоумевающим взглядом Дамира.

– …Ну, король, правда, обиделся и ее выгнал, – не в силах остановиться, неуверенно мямлит дальше Тимофей все более высоким от волнения голосом, – Но все закончилось хорошо… Вот и Женька…Как та соль… У нас…

Замолчал.

– Интересно, – изрекает Керефов через пару секунд.

Снова задумчиво и недобро косится на меня. Нечаянно встретившись с ним глазами, я тут же начинаю тупить в гранитный пол, ощущая себя героем картины "Опять двойка". Пытаюсь тихо убедить себя, что вообще-то он вел себя как козел и заслужил, но выходит откровенно не очень.

Ведь сейчас он нас выгонит.

Со всеми сказками, галстуками и сбитыми костяшками. Просто потому что найти других не проблема, а целый месяц работать с женщиной, которая умудрилась подарить ему воспаленный глаз и попасть в челюсть, такой мужчина явно не будет. Я бы на его месте точно не стала бы.

И все бы ничего. Но вот перед Тимом неудобно, он действительно хочет этот заказ. А я так глупо его подвела. Надо было хоть в гугле пробить этого Керефова! Вот я все-таки ду…

– Ну, что ж, пойдемте тогда к моим программистам, – вдруг прорывается в поток моих уничижительных мыслей глубокий мужской голос, – Там обсудим сроки более реально, возможности, фронт работ. Договор по итогу разговора вам вечером скинет на почту юридический отдел.

– Конечно, Дамир Тигранович, – с готовностью кивает Тимофей и хватает меня под локоть.

Райкин тянет меня за собой, но от неожиданности я словно врастаю в гранитный пол.

Керефов что? Нас берет?

***

Пока я бреду за переговаривающимися Тимом и Керефовым, ощущаю себя в муторном сне. Похмелье и недосып на фоне вспрыснувшегося в кровь адреналина из обычной головной боли перерастают в какое-то лихорадочное, тошнотворное состояние. Мне душно и одновременно знобит. Хочется оказаться где угодно, только не здесь, и тут же подлететь к этому Дамиру Тиграновичу и прояснить ситуацию.

Я не понимаю.

Не понимаю его непроницаемого взгляда, едва задевающего меня, не понимаю желания сделать вид, что мы не встречались буквально вчера ночью и что, скорее всего, его красный правый глаз – моя вина.

Я не люблю недомолвки, они меня знатно нервируют, и сейчас меня разрывает от желания обговорить случившееся. Я бы наверно даже начала первой, но…Но останавливает Тимофей и его очевидное желание понравиться этому человеку и сотрудничать с ним.

А значит мне приходится засунуть в задницу вертящийся на языке вопросы «что с глазом?» и «это точно я?» и покорно молчать, плетясь за мужчинами по гулкому белоснежному коридору и вперив взгляд Керефову прямо в спину.

То, как натягивается белое сукно рубашки у него между лопаток, меня почему-то завораживает. Мозг помимо моей воли отмечает, что Дамир Тигранович в отличной форме, и у него красивая спина – с широкими плечами и выраженной талией. А ниже узкие бедра, обтянутые плотной тканью брюк. И зад…Мда…

Я резко вскидываю предательски сползающий вниз взор обратно к лопаткам, невольно думая, а лапала ли вчера Катя этот каменный зад? Я ведь с утра ей так и не звонила.

От мысли, что лапала, почему-то начинает тошнить сильнее.

Хотя сама Катя наверно в восторге будет от новости, что ее вчерашнее приключение – теперь моя новая работа…В таком восторге, что даже не хочется ей сообщать. Нет, мне не жалко, но ведь она замучает требованием всяческих подробностей.

– Евгения…

Я резко торможу, фокусируя рассеянный взгляд на смуглом лице Керефова. Непонимающе хлопаю ресницами, видя, как требовательно он на меня смотрит. А потом краснею, смутившись, и просачиваюсь мимо него в открытый лифт, в который он мне как даме предлагал войти первой. В голове вертятся обрывки знаний об этикете, но я никак не могу вспомнить, точно ли в лифт женщине стоит заходить первой. Вроде бы нет…

Но, даже если нет, стоит ли мне по этому поводу язвить?

Решаю, что не стоит, и покорно забиваюсь в дальний угол, давая место мужчинам.

Дамир заходит последним и жмет на третий. Я тру нос, тайком косясь на него, так как слишком остро чувствую древесный аромат туалетной воды и тепло, исходящее от его тела.

Настолько остро ощущаю (видимо, от волнения), что это почти не комфортно. Запах с древесными нотками въедается в кожу и пропитывает меня за какие-то жалкие мгновения. Лифт открывается на следующем этаже через несколько секунд, меня опять выпускают первой, но потом мужчины сразу обгоняют и идут вперед. Расстояние между нами увеличивается, а этот чертов запах все еще щекочет мне ноздри и невесомым облаком обволакивает одежду.

Наверно, очень дорогие духи, раз такие стойкие, нахмурившись, думаю я, озираясь по сторонам.

Третий этаж совсем не похож на четвертый. Да, здесь присутствуют все те же светлые тона в оформлении, и на стенах развешены ретро фото, связанные с морем и портом, но никакой давящей тишины и роскоши здесь нет и в помине. Мы попадаем в царство опен спейс, стеклянных стенок, снующих туда- сюда с пачками документов и распахнутых настежь кабинетов. Все кричат, звонят,

суетятся, пьют кофе у автомата и сплетничают. Правда, завидев нас с Керефовым во главе, затихают и услужливо кивает, бормоча "здрасьте", а кто-то и протягивает руку своему начальнику. Но, стоит нам отойти, разговоры возобновляются как ни в чем не бывало.

– Здесь расположены отделы продаж и логистики, – комментирует Дамир царящий вокруг упорядоченный хаос, – IT отдел в самом конце, за залом отдыха, там не так шумно.

– М-м-м, – тянет Тимофей, с любопытством вертя головой по сторонам.

Я не реагирую никак. Молча иду вслед за ними. Внутри нарастает смутное звенящее напряжение. Природу его мне понять сложно. Просто ощутимый нервный дискомфорт.

Может, он просто не узнал меня? Не запомнил? Там было темно и сейчас я накрашена…хотя бы. Решил, что просто похожа, и не узнал?

Но я ведь узнала! Сразу! За мгновение до мурашек пробрало…

Тогда он почему не узнал? Не особо рассматривал, потому что счел, что и нечего рассматривать?

Я насупилась сильнее, сверля спину Керефова тяжелым взглядом исподлобья…Козел…

Зато теперь понятно, почему взял. Присмотрелся и решил, что в клубе другая драчунья была. А костяшки, ну мало ли…Там ссадин почти и не видно, чуть-чуть красные. Мог и вообще не заметить. Для Тимофея отлично даже, да и для меня…Вот только дико обидно!

Похоже, правда, не узнал…

Мельком оглядываю зал для отдыха, через который мы проходим. Краем сознания отмечаю, что тут очень стильно, и комната больше напоминает тайм кафе, чем стандартный для офисов закуток со столом, маленькой кухней, двухместным диваном и микроволновкой. Кресла- мешки, аэрохоккей, большая

плазма на стене, несколько столиков, стеллаж с настольными играми и, кажется, под плазмой я даже вижу плейстешн.

– Сотрудникам иногда приходится оставаться сверхурочно, – мимоходом поясняет Дамир, перехватывает изумленный взгляд Тимофея. Меня, как и прежде, господин Керефов практически игнорирует, лишь слегка мазнув по моему лицу черными глазами.

Если бы меня спросили, как понять, что ты человеку совершенно неинтересна, я бы вместо слов спародировала Дамира Тиграновича сейчас.

– Сюда, – Керефов указывает на непрозрачную темную стеклянную дверь в другом конце комнаты отдыха.

Черные непроницаемые глаза вновь впиваются в меня в ожидании, когда я первой войду в открытую для меня дверь. Незаметно ежусь, вздергиваю подбородок и, вежливо улыбнувшись, прохожу внутрь, минуя придерживающего дверь Керефова. В нос опять на секунду заползает щекочущий древесный запах его туалетной воды.

Очень раздражает.

Переступив порог, я оказываюсь в просторном кабинете, разграниченном невысокими ширмами, создающими рабочие ячейки, словно соты заполняющие все видимое пространство. И даже звук здесь как улье. Все примечательно жужжит: тихие разговоры, оргтехника, шелестящая бумага, непрерывный стук клавиатуры. Атмосфера по сравнению с царством продажников неуловимо меняется на более камерную и собранную. Я быстро кручу головой, озираясь по сторонам. Видимо, это и есть отдел IT.

– Алексей, Рома, в кабинет пошли, – бросает Керефов, мельком взглянув на грузного мужчину, склонившегося над компьютером в углу, а потом на парня, пьющего кофе у окна, – Влад…

Тут Дамир резко останавливается и, не поворачиваясь, указывает рукой в мою сторону.

– Это Евгения, она тестировщик подрядчика. Покажи ей нашу программу, пока мы будем задачу обсуждать.

– Да, Дамир Тригранович, – из одной из ячеек тут же высовывается тощий мужчина неопределённого возраста и узором татуировки на шее.

Я же в ступоре растерянно моргаю. А меня что? На обсуждение задачи не берут? Это как? Перевожу вопросительный взгляд на Райкина, и вижу, что у него точно такая же реакция. Даже вижу, как он поднимает палец вверх и открывает рот в попытке возразить, но Керефов затыкает его одним взглядом.

– Пойдемте, Тимофей.

И, не дождавшись согласия, направляется к белой двери слева, за которой, по-видимому, располагается кабинет начальника отдела. За Дамиром семенят грузный и молодой. Тимофей захлопывает рот, виновато на меня косится, пожимает плечами и плетется в кабинет последним.

Все, что мне остается, глядя на эту чисто мужскую процессию, это раздраженно выдохнуть «п-ф-ф-ф».

Ну, какой же, оказывается, шовинист, а? Райкин же обозначил, что я важна!

Бесит!

Но потом я вспоминаю, что голова так и раскалывается, и что меня до сих пор мутит. Потому решаю, что именно сегодня шовинизм всяких Тиграновичей я скорее одобряю. Если еще и сам отладку за меня сделает, я вообще буду «за».

***

Влад, которому меня откомандировали, оказался вполне приятным парнем, умеющим толково, хоть и невероятно занудно объяснять. Под его тихий бубнеж себе под нос меня так и тянуло в сон. Веки предательски опускались, а в щеке успела образоваться приличная вмятина от собственного кулака. Но я стоически держалась, подавляя зевоту и пялясь в его монитор.

В общем, мне повезло.

С их складской программой я была знакома. Немного другая модификация, но существенной роли это не играло. С их логистической программой была знакома тоже.

Вот только как они собирались сделать из них гибрид, если там разные движки? Мда…

Впрочем, это была головная боль Тимофея, а не моя. Мое дело – потом найти все косяки в том, что он состряпает, и попытаться вместе с ним их исправить. С здесь я была в себе вполне уверена.

Уже через полчаса мы обсудили с Владом все, что можно по делу и, так как из кабинета начальника отдела так никто и не выходил, плавно скатились к неформальному общению.

Оказалось, что Влад слушает русский рок, держит какаду и является фанатом третьих геройчиков (*компьютерная игра). Жена ушла, есть дочка. Дочку Влад очень любит, забирает на все выходные. Бывшую жену любит не очень, потому что она забирает половину его зарплаты. То есть законные алименты экс супруга получает десятого и тратит, а потом вдруг пятнадцатого выясняется, что дочке еще нужны лыжи, или новый портфель, или у них соревнования в другом городе. И так каждый раз. Влада это бесит, но поделать он ничего с этим не может. Так и живет.

О себе я не рассказала ничего. Вместо этого, внимательно выслушав бедного лопуха Влада, я ему искренне посочувствовала и поинтересовалась, где тут можно покурить. Влад сказал, что на пожарной лестнице, и объяснил, как туда добраться. Кинув последний недовольный взгляд на закрытую дверь кабинета начальника, отсекающую меня от более интересных разговоров, я отправилась на поиски курилки.

Искать пришлось недолго – буквально один поворот дальше по светлому коридору, и я оказалась у тяжелой железной двери пожарной лестницы.

Сюда дизайнерский ремонт и не думал добираться. Старые бетонные обколотые ступеньки, ни с чем не сравнимый запах пыли и сырости одновременно, легкий

аромат подвала, толстые стеклянные квадраты, уложенные мозаикой на торцевой стене, узкие амбразуры простеньких стеклопластиковых окон в пролетах, рядом с окнами трафареты дымящихся сигарет, нанесённые красной краской, и ощетинившиеся окурками банки -пепельницы на серых подоконниках.

Я спустилась на один пролет, достала сигарету, зажала зубами фильтр, чиркнула зажигалкой и затянулась. Едкий дым вполз в горло, в голове тут же чуть-чуть поплыло – все-таки недосып сказывался, и сильно.

Интересно, сколько мы еще тут проторчим?

Хотелось бы уже уйти…Обняв себя за плечо, я затянулась снова, щурясь на тусклое солнце в открытом окне и разглядывая унылый индустриальный пейзаж. Какой-то кран, контейнеры, щербатый асфальт, сквозь который прорывается первая трава, базарные крики жирных чаек…

Тяжелая дверь за моей спиной хлопнула так неожиданно, что я вздрогнула всем телом и чуть не выронила сигарету. Резко обернулась на звук чьих-то приближающихся шагов, и так и застыла на месте, наблюдая как ко мне, на ходу доставая заправленную за ухо сигарету, спускается по лестнице сам Дамир Тигранович Керефов.

Сощурившись, я затянулась снова, наблюдая как он останавливается напротив. Молчание между нами зазвенело, гулом отражаясь от бетонных стен. Керефов, не спрашивая, потянулся за пепельницей около меня и подвинул ее на середину подоконника. Сунул сигарету в зубы, достал зажигалку из кармана брюк, чуть наклонил голову, раскуривая, демонстрируя мне свою черноволосую макушку, сделал пару глубоких затяжек, втягивая щеки, резко выпрямился и, выпуская дым вбок, вперил в меня тяжелый изучающий взгляд.

Невольно отступила – что-то на уровне инстинктов заставило крепче обхватить себя за плечо и упереться лопатками в бетонную крашенную стену в поисках опоры. На губах Дамира мелькнула едва заметная ироничная усмешка, и он отвел от меня взгляд, устремляя его в открытое окно.

Стало легче дышать. Я затянулась еще раз, поднося сигарету к губам слегка задрожавшими пальцами. Рядом с ним стоять было невероятно нервно. Будто тебя размазывало под ноль чужим энергетическим полем. Хотелось, чтобы

заговорил – слова всегда разбивают подобные, почти звериные ощущения, но он молчал, а я подать голос не решалась, не зная, чего от Керефова ждать. Вопрос "узнал или нет?" опять встал ребром.

Сигареты тлели быстро. Покосилась на кончик своей, и с облегчением поняла, что еще пара затяжек для вида, и можно со спокойной совестью уходить. Выдохнула серый дым перед собой, через его неплотную завесу рассматривая стоящего напротив Керефова. У меня как-то не было возможности до этого его нормально разглядеть. Только спину глазами просверлила, пока спускались на второй этаж, а в клубе темно было…

Породистый, но какой-то слишком мужик. От него веяло подавляющей агрессией. Высокий, широкоплечий, крепкий, движения нарочито расслабленные, будто ему невероятно комфортно в собственном теле и плевать на то, что о нем могут подумать окружающие. Стоит напротив вполоборота, расставив ноги и заправив одну ладонь в карман брюк с таким видом, будто меня вообще тут нет, и словно не понимает, что в этот момент я его внимательно разглядываю. На ладонях видны вены, сильная шея, короткий ежик на затылке и более длинные черные волосы на макушке, вроде бы и небрежно, но отлично уложенные, идеально ровная короткая борода на грани отросшей щетины, густые брови вразлет, правильные, все из прямых линий черты лица, пронзительные черные глаза…

Которые вдруг резко уставились на меня.

– Неважно выглядите, – произносит Дамир, медленно обводя меня ироничным взглядом, поворачивается всем корпусом ко мне и снова затягивается, щуря покрасневший глаз, – Хотя вроде не так были и пьяны. Потом догнались с бугаем своим, Дубина?

От его слов я чуть не давлюсь вдыхаемым дымом. И тут же по спине скатывается град жарких мурашек, переходящих в мелкую дрожь. Узнал…

Мне необходимо дать себе пару секунд, чтобы примириться с этим фактом и выбрать линию поведения, поэтому я просто прямо смотрю в эти черные пронзительные глаза. Вернее, один пронзительный, а другой болезненно красный.

– Если это из-за меня, то извиняюсь. Я не хотела, – намеренно небрежно тыкаю сигаретой в сторону подбитого левого, наконец нарушая звенящую тишину между нами.

Дамир на это кривится, словно прожевал лимон.

– Не хотела, – едко повторяет он за мной и, прищурившись, делает еще затяжку, – Не переживайте, Евгения, врач сказал, через пару дней пройдет. Просто уголок купюры случайно поцарапал глаз.

Я киваю, не зная, что на это сказать, и снова кошусь на тлеющий кончик своей сигареты. Наверно, за удар в челюсть мне стоит извиниться тоже, но что-то останавливает. Возможно то, что он вел себя как козел и заслужил, а возможно ощущение, что напомнить ему об этом ударе будет еще большим оскорблением.

Снова повисает густая, непроницаемая тишина, разрываемая лишь криками жирных чаек за открытым окном да скрежетом работающих в порту кранов. Сделав еще затяжку, я с невероятным чувством облегчения вдавливаю свою сигарету в забитую окурками банку. Нервно прокручиваю её, туша, и ощущаю, как предательски заметно подрагивают при этом пальцы. Облизываю пересохшие губы, кидая в сторону Керефова вороватый взгляд.

– Это ведь не отразится на нашей работе? – севшим голосом интересуюсь я, прежде чем уйти, – Тимофей действительно профессионал, и одаренный программист, и…

– Если больше с бодуна приходить не будете, Дубина, то не отразится, – обрывает меня Керефов, тоже туша свою сигарету.

А я краснею от этой короткой отповеди до кончиков волос.

– Обычно мне не свойственно, – с тихой агрессией цежу я, чувствуя, как огнем горят уши.

– Очень надеюсь, – равнодушно бросает Дамир Тигранович и, мазнув по мне нечитаемым взглядом, первым покидает курилку.

Железная дверь с грохотом закрывается за ним, заставляя невольно вздрогнуть. Я так и стою на лестничном пролете, ощущая себя полностью раздавленной, и даже не могу точно понять почему. Хочется орать. Но я, конечно, этого не делаю. Бормочу себе под нос " ой, иди на х…" и достаю еще одну сигарету.

Возвращаюсь в IT отдел я с твердым намерением рассказать все Тимофею и попросить его свести мое участие в этом проекте к минимуму, если не вовсе отстранить, во избежание эскалации конфликта. Уверена, что Керефов будет только рад избавиться от необходимости часто сталкиваться с пьющей бабой-мужиком, какой он меня, похоже, себе представляет. Можно, в конце концов, подключить удаленку и протестировать все из нашего офиса. Идеальный для меня вариант.

Тимофей с Керефовым и еще двумя сотрудниками ОАО «РЗК» выходят из кабинета начальника отдела как раз в тот момент, когда я переступаю порог офиса IT. Отлично, значит на сегодня наше пребывание здесь окончено.

Я со смиренным видом делаю пару шагов им навстречу, тупя взгляд в пол, чтобы скрыть вспыхнувшие в глазах искорки облегчения.

– Жень, знакомься, – Тимоха радостно орет мне практически на весь опен спейс, энергично махая рукой – видимо, переговоры прошли успешно.

Я делаю еще пару шагов мужчинам навстречу и останавливаюсь в принятых этикетом паре метров от Дамира Тиграновича и его свиты.

– Это Алексей Борисович, начальник отдела, – указывает между тем Тимоха на грузного мужчину лет сорока с круглым как блин, добродушным лицом.

– Здрасьте, Евгения, – пыхтит Алексей Борисович, протягивая мне свою пухлую, мягкую как у младенца ладонь, – Очень приятно.

Я улыбаюсь и пожимаю его немного влажную, теплую руку.

– А это Роман, – продолжает Тимофей, указывая на долговязого, очень похожего на него самого, молодого парня, – руководитель проекта.

– Женя, рад, – Рома бодро сует мне свою ладонь-лопату для рукопожатия. Я энергично ее трясу, думая про себя, что можно было обойтись и без этих знакомств –я все равно не планирую здесь больше появляться.

На Дамира Тиграновича упрямо не смотрю, хотя мое лицо горит словно в печке от ощущения его тяжелого взгляда в упор на коже. Ну вот почему он так сморит, а? Боится, что прямо сейчас при всех достану флягу с коньяком, а потом кинусь с кулаками на круглолицего Алексея Борисовича?

– Женя, пойдемте покажу ваше новое рабочее место, – меж тем произносит Роман –руководитель проекта, отпуская мою ладонь после приветственного рукопожатия.

– А? – с немного тупым видом переспрашиваю я.

– Жень, Дамир Тирганович настоял, чтобы, пока я меняю программы, ты работала здесь на постоянной основе, так как они ведь продолжат ими в это время пользоваться. Им нужен наш представитель здесь для устранения возможных проблем, – улыбаясь как ни в чем не бывало, поясняет мне Тимофей.

Я медленно перевожу на него ледяной взгляд. Что?

– А ты? – шиплю сквозь зубы.

– Я тоже буду бОльшую часть времени здесь, конечно, но не весь же рабочий день, – улыбка на лице Тима застывает, превращаясь в напряженную маску. И он тише добавляет, – Ты же понимаешь…

Я поджимаю губы, мечтая его убить. Да, я понимаю, да…

Что у него есть еще проекты, и что он просто не хочет тут безвылазно торчать, заставляя это делать меня!

О его пассаже, что это именно Дамир Тигранович настоял, предпочитаю вовсе не думать, так внутри все как-то странно тревожно дребезжит, стоит только мысленно повторить эти Тимохины слова…

– Понимаю, – только и делаю, что вслух роняю я.

– Ну, что, Жень, пойдем? – бодро зовет меня Роман- руководитель проекта повторно, и я, рассеянно улыбнувшись всем, кроме Дамира Тиграновича, на которого так и не захотела взглянуть, покорно плетусь к своему новому временному рабочему месту.

Мда, план больше здесь не показываться с треском провалился, не успев оформиться. Греет только мысль, что IT отдел находится на втором этаже, а не на четвертом…

5.

Пока Рома уводил меня вглубь опен спейса, большой босс Керефов прощался с Алексеем Борисовичем и Тимофеем.

Со мной, судя по всему, прощаться никто не собирался, еще раз подчеркивая, что я человек маленький и не особенно важный. Не то, чтобы меня это задевало…Нет, черт возьми, задевало! Не так уж и сложно выдавить из себя: "До свидания, Евгения". Ну или хотя бы крикнуть в спину: "Дубина, пока!". А вот это игнорирование, когда Тим представил меня как свою коллегу, просто хамство.

– Что ж, Тимофей, до завтра, жду с бумагами, – глубокий голос Керефова раздавался уже на фоне звука открывающейся двери.

– До свидания, – в который раз повторил Тимоха, и дверь опен спейса глухо стукнула, захлопываясь за генеральным ОАО "РЗК".

У всех, находящихся в кабинете, как-то разом изменилась осанка. Плечи опустились, спины расслабленно ссутулились и на лицах появились безмятежные улыбки. Грозный начальник ушел, рабочий день подходил к концу, и мысли о дороге домой бегущей строкой засветились на лбах присутствующих сотрудников IT отдела.

– Вот, Жень, – Рома подвел меня к огороженной просторной ячейке на три стола у самого окна, – Будешь тут обитать со мной и Верой, правда она сейчас в отпуске, так что только со мной…

Последнее предложение он выдал с немного смущенной улыбкой, взъерошивая волосы на затылке. Я улыбнулась в ответ.

– Проверяй пока железо, проги, смотри, что надо еще. Можем донести…

– Ага, – кивнула я, садясь на стандартный офисный стул, – я кресло еще свое притащу, можно? Не могу на этих жёрдочках работать.

– П-ф-ф-ф,да конечно! Хоть трон! – небрежно отмахнулся Роман, опираясь бедром о столешницу и с любопытством поглядывая на меня.

– Класс, – довольная, я протянула ему руку, и он дал мне звонкое "пять", после чего мы заулыбались друг другу шире.

Рома мне понравился, и я не видела повода это скрывать. Высокий, худощавый, молодой, с приятным, немного узким лицом, умными голубыми глазами и длинной романтичной челкой, то и дело ему мешающей. Он производил впечатление человека приятного, интеллигентного, со своими забавными тараканами, а главное – готового просто дружить, не переходя выставленные границы. И это успокаивало, позволяя мне чувствовать себя с ним комфортно.

– Так -с, ну, давай смотреть, что мне завтра надо будет поставить сюда, – пробормотала я себе под нос, отворачиваясь от Романа и включая комп.

***

В итоге из ОАО "РЗК" я выхожу только под самый конец рабочего дня. Тимофей собирается было подбросить меня до моей машины, припаркованной на Двинской, но на улице уже такие пробки, что я открещиваюсь от его щедрого предложения, и опять почти бегу до парковки, понимая, что уже опаздываю на прием к Елене Леонидовне, а опаздывать жуть как не хочется.

Она никогда не ругает меня за опоздания прямо, но ее "Женя, это же ваше украденное время, не мое", произнесённое ласковым, успокаивающим голосом цепляет похлеще любой прямой отповеди.

Забравшись, наконец, в машину и повернув зажигание, постукиваю пальцами по торпеде в ожидании, когда машина, прогреется, и с нарастающей нервозностью поглядываю на часы. Еще и все стоит…Черт! Ну точно опоздаю…Может отменить, мелькает малодушное в голове. Но давлю эту мысль. Во-первых, это свинство – отменять прием за полчаса до его начала, а во-вторых…Во-вторых, мне неожиданно дико хочется рассказать обо всем случившемся за последние сутки Елене Леонидовне.

Поэтому, просмотрев все пробки в телефоне и выбрав оптимальный маршрут, я трогаюсь с места, спеша на прием к своему психотерапевту. В момент, когда я, вырулив с парковки, встраиваюсь в общий плотный дорожный поток, на дисплее телефона исчезает карта из-за пробивающегося звонка. А еще через секунду высвечивается имя звонящего.

Катя.

Я непроизвольно сильнее вцепляюсь в руль вмиг повлажневшими ладонями, кусаю нижнюю губу и хмуро поглядываю на трезвонящие четыре буквы. Я знаю, зачем она звонит. Хочет рассказать про вчерашний вечер, проведенный с Керефовым. Но хочу ли этого я? Нет, хочу…Наверно…Мне любопытно! Но…После секундного замешательства я все-таки сбрасываю настырную Катьку, отправляя ей шаблонное сообщение, что перезвоню позже и занята.

Не сейчас. Сейчас я не готова это слушать. Позже...

***

Домой я зашла, когда часы показывали почти девять. Упала на пуфик в прихожей, вытягивая гудящие от усталости ноги, прикрывая глаза и выдыхая в потолок длинной "пф-ф-ф".

Если бы не требовательное урчание в животе, я бы наверно заснула прямо тут, свернувшись калачиком на придверном коврике. Но желудок требовал пищи, о остальные части тела – принять душ и найти место для отдыха поудобней.

Кинув сумку – мешок на комод для обуви и стянув надоевшие за день лоферы, я поплелась на кухню. И первым делом открыла холодильник, с задумчивым видом уставившись на содержимое.

Так…

Из хороших новостей – у меня был отварен рис для суши, имелись огурцы и семга. Из плохих – роллы придется крутить…

Не то, чтобы это так долго, но есть хотелось сейчас и сразу, а не через пятнадцать минут. Да и лень…

Взгляд упал на недопитую с прошлых выходных бутылку пино гриджо. Мозг, до сих пор слегка мутный от похмелья, радостно запищал, и я, первым делом достав вино, все-таки решила, что роллам быть.

За почти неделю пино гриджо успело слегка выдохнуться, отдаваясь на языке отчетливой кислинкой и сразу ударяя в тяжелую голову. Настроение ожидаемо немного поднялось, а по телу поползло расслабляющее тепло. Покачивая в руке бокал, я сходила за ноутом в спальню, принесла его на кухню и включила музыку. Достала все для суши, тихо подпевая.

После Елены Леонидовны в душе царил штиль…

Она всегда вводила меня в некое подобие транса своим ласковым монотонным голосом. И на какое-то время все тревоги отступали и казались совсем не существенными. Не знаю, был ли реальный толк от моих к ней визитах. Возможно, это тоже просто такая форма зависимости – оплачиваемые «свободные уши», готовые выдержать любое льющееся на них из тебя дерьмо. Главный плюс – желание выливать его на еще кого-нибудь помимо Елены Леонидовны почти полностью пропадало. И уже только ради этого стоило продолжать к ней ходить.

Телефон я положила на кухонный стол. Достала упаковку с листами нори, бамбуковую дощечку, фольгу, сделала еще один глоток вина, ощущая кислинку на языке…

Взгляд то и дело возвращался к экрану смартфона, на котором застыло всплывающее сообщение от Кати: " ты там скоро???". И разъяренный смайлик в конце.

Как же ей не терпится, а…

Нарезала огурец, рыбу, распределила рис по нори и начала крутить первый ролл. Адреналин в крови нарастал от мысли, что сейчас придется Кате позвонить. Она ведь все равно не отстанет…

Разрезав получившийся ролл на кусочки, отправила первый в рот. Сделала еще один большой глоток вина. Да, надо звонить сейчас.

Я устроилась поудобней на стуле, поджав ноги под себя, и наконец взяла в руки телефон.

Катя ответила практически сразу, будто только и делала, что караулила мой вызов.

– Да!

– Привет, звонила? – ровным голосом поинтересовалась я, отправляя в рот еще один ролл.

– Конечно, звонила! – чуть ли не орет от возбуждения Катя мне в трубку, – А ты - то что не звонила, Жек?! Неужели не интересно, как я вечер провела, а?

В ее тоне прослеживаются явные игриво- масляные нотки, которые мне приходится запить еще одним глотком. "Нет, не интересно", – так и хочется выдать в ответ и повесить трубку. Но грабли слишком притягательны, и я наступаю на них с разбегу.

– Рассказывай уже давай, – фыркаю небрежным тоном я и отправляюсь за сигаретами, оставшимися в сумке.

– Начнем с того, что на фига вы с Саней это устроили? – фыркает подруга в трубку и принимается меня отчитывать, – Ну перепутал Дамир тебя с пацаном, а

кто виноват вообще, а? Ты себя в зеркало видела, Мась?

Я слушаю её вполуха, прижав плечом телефон к щеке и копаясь в своей безразмерной сумке. Ага, вот! Нашла…Выуживаю пачку сигарет, зажигалку и топаю на лоджию.

– Мне вот прямо обидно, ведь ты такая кукла, Жень! – продолжает в это время причитать моя подруга Катя, – Это мне, чтобы нормально выглядеть, три часа в салоне просидеть надо, а тебе – просто снять эти шмотки свои бомжацкие да лицо попроще сделать!

– Я так понимаю, что весь вечер ты это со своим кавалером и обсуждала, раз тебе больше мне сказать нечего, – ехидничаю я, чиркая зажигалкой.

Раскуриваю парой тяг, щурясь на открывшийся передо мной ночной двор. Едкий дым заползает в горло, и я выпускаю его изо рта тонкой струей. На лоджии зябко и приходится обхватить себя руками.

– Нет конечно, – тут же кокетливо отметает мое предположение Катька и примирительно добавляет, – Просто о тебе беспокоюсь, Мась. На мужиков драться кидаться- это уже край вообще…Может тебе того…Психотерапевта сменить, а?

Я раздраженно тру переносицу. Ну не Фирсова, а просто святая мать Катарина…Заботливая такая!

– Как мужик? – задаю вопрос в лоб, резко переключая Катю на главную тему нашего душевного разговора.

И в ответ слышу ожидаемое…

– О-го-о-онь!– с придыханием скулит Катя в трубку, будто он имеет ее прямо сейчас, – Женька-а-а, вот тебе такого бы надо! Сразу бы всю дурь из головы выбил…

– Я не ковер, чтоб из меня что-то выбивать, – почти беззвучно бурчу я, затягиваясь, но Кате и не надо меня слушать. Она продолжает петь влажные

дифирамбы Керефову.

– Такой секси вообще-е-е! – мяукает Катя мне в ухо, – Но по порядку.

Её голос становится более деловым, и мне хочется выкрикнуть "наконец-то!", потому что ее маловразумительные восторги Керефовым уже порядком выбесили.

– Дамир, значит, вернулся, после того, как вас охранники выпроводили. Извинился, сказал, что с вами все в порядке. Ну и ты же потом звонила, спрашивала поеду ли я с вами. Кстати, его зовут Дамир. Красивое имя- ему идет, – тараторит Катя, перескакивая от возбуждения с одного на другое.

– Дальше, – приказываю я, выдыхая дым.

– Так… Нам принесли шампанское, сыр, фрукты. Ну, как обычно. Мы там немного поболтали…– тут Катя сдавленно хихикает как натуральная школьница и добавляет, – Ну так…Неважно о чем…А потом он меня поцеловал, и…О-о-о, он целуется как бо-о-ог, Же-е-ека!!!

После этого громкого заявления Катя не выдерживает и вновь скатывается в свои мало связные протяжные восторги. Я прикрываю глаза, усилием воли давя закипающее раздражение внутри.

Зачем я вообще это слушаю, а???

Тем более что, стоило только опустить веки, как пред мысленным взором вдруг всплыло резкое мужественное лицо самого Керефова, и оно почему-то приближалось ко мне, будто это меня он сейчас будет целовать.

Вдоль позвоночника прокатился жар, тяжелым приливом заколыхался внизу живота, и я резко распахнула глаза. Видение исчезло, вот только тело так и продолжало покалывать горячечными мурашками…

– Поздравляю, – глухо роняю я, остервенело туша сигарету.

Ну, класс! Моя единственная подруга, кажется, с ним переспала. Отлично, просто отлично.

Вообще, не мое дело.

Но почему-то горькое раздражение начинает сочиться буквально из каждой поры, и мне становится страшно, что этот вырабатываемый в ударных дозах яд сейчас выльется прямо на ни в чем неповинную Катькину голову.

– Слушай, мне пора…– хриплю в трубку, пытаясь побыстрее закончить разговор.

– Да подожди, дай хоть дорасскажу! – возмущается Катерина и опять переходит на быструю речь и повествовательный тон, – Ну, вот. Мы там, значит, обнимались…И уже прямо, знаешь, так…Откровенно…

Катька опять псевдо-смущенно хихикает, а я плотно сжимаю губы, покидая лоджию и думая, когда это уже кончится.

– И? – поторапливаю восторженную подругу я.

– Но тут подошел его брат, Рамиль, – он, оказывается, владелец клуба, – на каждом новом слове голос Кати звучал всё большей обидой и разочарованием, – И позвал куда-то Дамира. Он сказал мне, что вернется через минут десять, и…

Фирсова тяжко вздыхает и траурным голосом заканчивает свою речь.

– …не пришел. Такой облом, а! Не представляю, что там у него случилось! Хоть бы телефон оставил. Я прямо в тоске теперь, -плачется Катька, а я в это время тщательно прислушиваюсь к себе, проходя на кухню, и понять не могу, откуда в груди этот раздувающийся, теплый пузырь облегчения.

Я ведь ей должна сочувствовать…Нет?

– Мда…– тяну я, беря полупустой бокал вина, – А как же шампанское, сыры?

– Да все оплачено было, – вздыхает Катя, – Так что да, выпила еще пару бокалов и домой пошла.

– Ну…Может к лучшему? – предполагаю я, делая глоток, – На фиг он тебе сдался?

– Ой, сдался, Жек! – плаксивым голосом возражает Фирсова, – Я там успела все пощупать. Прямо вот и сдался, и удался, и выдался! Такой там я, скажу тебе, крепкий экземпляр.

Тут мы уже обе начинаем глупо хихикать, хотя я, наверно, предпочла бы жить без этой информации.

– Эх, все бы отдала, чтобы его опять встретить, – мечтательно вздыхает Катя, а я в это время кусаю щеку, задумчиво крутя тонкую ножку бокала в руках.

Наверно, сейчас самое время сказать, что вот я его уже встретила. И что, наверно, даже могу помочь Кате его встретить…

Самое время сказать, но я молчу. Чувствую себя гнусно, какой-то предательницей, не понимаю почему так поступаю, но молчу!

– Ну, может встретишь еще…– выдавливаю из себя я, бегая глазами по кухне. Даже на языке от самой себя кислит.

– Да, может, – тоскливо вздыхает она.

6.

Следующее утро выдалось суматошным.

Пришлось сначала, собрав все пробки, заехать в наш офис, чтобы скачать нужные программы, а еще развинтить и запихать в мою старенькую кию эргономичное компьютерное кресло, без которого я жить не могу. И только потом отправиться в порт, где базировалось ОАО "РЗК". И тут, конечно, я все пробки собрала тоже.

А когда подъехала к проходной, выяснилось, что губастая помощница Керефова Элина пропуск на мою роднулю- кию так и не выписала. В итоге я сделала круг по уже под завязку забитому машинами району и снова припарковалась на Двинской в добрых пятистах метрах от проходной. Стул я тащить уж не стала, решив, что в обеденный перерыв попрошу Рому помочь мне – благо, он будет уже через пару часов.

Ну, или добуду все-таки пропуск на территорию для машины, потретировав супер- секретутку Элину…

Обдумывая варианты, я хлопнула водительской дверью, пикнула сигнализацией и, как и вчера, побежала в порт.

Пулей проскочила проходную и чуть не взвыла, только, когда оказалась внутри, осознав, что до здания самого ОАО "РЗК" мне топать еще как минимум километр по самому порту. Вчера ведь меня подвозил Тимофей и туда – и обратно, и это казалось делом пары минут.

Но, если идти пешком, картина вырисовывалась совсем не такая радужная. Огромные расстояния между строениями, широкие пустынные улицы, редкие, спешащие куда-то рабочие, машины…

Мда…

Повертев головой и вроде как вспомнив в какую мне сторону, я побрела в нужном направлении, с любопытством озираясь по сторонам.

Бежать еще километр не хотелось – моя светлая безразмерная толстовка и так уже липла к повлажневшей спине, а дыхание с тихим хрипом вырывалось из разгоряченных легких.

Приложив ладони к раскрасневшимся горящим щекам, я, щурясь, взглянула на ласковое сегодня весеннее солнце, оценила глубокую синь неба, поднимающую своим насыщенным цветом настроение сразу на десяток пунктов, и помахала кружащим над головой жирным портовым чайкам, которые недовольно закричали в ответ, не обнаружив угощения в моей пустой руке.

Погода была идеальная – теплая, весенняя, бодрящая.

Воздух, пропитанный близостью Финского залива, с острыми оттенками портового мазута и какого-то горючего, щекотал ноздри и приятно остужал водяной взвесью лицо. Легкая беспричинная улыбка тронул мои губы, и я, пиная кроссовкой попадающиеся по дороге камешки, никуда уже не спеша, шла дальше, с ленивым интересом рассматривая все вокруг: здания, краны, контейнеры, грузовики, попадавшихся по пути людей и виднеющиеся за складами и хозпостройками громадные, впечатляющие, гладкие крашеные бока кораблей и судов.

Жить все-таки так хорошо!

И почему наиболее остро это ощущаешь именно в такие, ничем по сути не примечательные моменты? Просто солнышко припекает макушку, просто воздух пропитан северным морем, просто глаза твои с любопытством шире распахиваются, поглощая интересные картинки неизвестной тебе раньше стороны жизни. Просто…

Автомобильный клаксон так резко и оглушительно гудит прямо мне в спину, что я подпрыгиваю на месте не хуже какого-нибудь олимпийского чемпиона, а сердце и вовсе застревает в горле, испуганно там колотясь.

Обернувшись, впираю возмущенный взгляд в хищную морду черного седана, остановившегося чуть позади меня. Ну, и что это за шутки? Я вообще-то по пешеходной иду – никого не трогаю! Скрестив руки на груди, медленно разворачиваюсь к седану полностью и с суровым видом принимаюсь ждать объяснений.

Наглухо тонированное (а по закону ведь нельзя!) стекло водительской двери медленно уезжает вниз, и моим глазам является…

Ну, конечно, кто же еще! Хочется театрально закатить глаза к синему небу…

Дамир Тигранович собственной персоной. И лицо его еще более хмурое чем у меня, отчего я инстинктивно слегка тушуюсь и отступаю на шаг назад.

– Вы время видели, Дубина? – интересуется Керефов своим ровным глубоким голосом, рассеянным жестом проведя ладонью по короткой идеальной бороде.

– Видела, и что? – в ответ хамлю я.

И да, я это даже понимаю! Просто нечего было меня пугать. Сердце до сих остервенело бьет по гландам, не желая занимать отведенное ему место в грудной клетке.

У Керефова от моей наглости на секунду взлетают вверх брови, а потом, упав обратно, сходятся на переносице в одну грозную линию.

– И вы всегда приходите на работу в обед? Еще и таким прогулочным шагом, – нарочито ласково любопытствует он, – Я сзади ехал, переживал, что прямо на асфальте сейчас растянитесь прилечь – отдохнуть. Как бы не задавить ненароком.

– Да, и поэтому оглушить меня решили, чтобы точно не уснула? – возмущенно буркаю я.

Дамир поджимает губы, сверкнув черными глазами. Обводит всю меня быстрым сканирующим взглядом, кривится, будто у него кольнул ноющий зуб, и, тяжело вздохнув, кивает в сторону пассажирского кресла рядом с собой.

– Садитесь, Евгения, я вас довезу.

– Я дойду, спасибо. Постараюсь побыстрей, – гордо заявляю я, делая еще шаг в сторону.

Черные глаза опасно сверкают второй раз, от чего меня бросает в странный жар, Дамир Тигранович берет паузу, почему-то уставившись немигающий взором на мою толстовку в районе груди, которую, конечно, за мешковатым балахоном можно разглядеть, только если у тебя вместо глаз рентген.

По смуглым скулам Керефова прокатываются желваки, и он снова смотрит мне прямо в глаза.

– Так, Дубина, быстро сядь, – цедит глухо, но в ушах у меня почему-то его низкий голос гудит как колокол, – Так понятно?

Сглатываю. Выдерживаю секундную дуэль взглядов и…опускаю глаза.

– Так понятно, – слабовольно киваю, признавая власть более сильного в данных обстоятельствах бойца, – Да.

Захлопнув за собой дверь автомобиля Керефова, я попадаю в другой, тревожный для себя мир. Здесь слишком бесшумно, слишком интимно и слишком все пропитано хозяином машины. Запах выделанной кожи, качественного пластика, чистоты и мужских духов заполоняет легкие и въедается в одежду мгновенно. И я всерьез начинаю переживать, что мне от этих ароматов и за день не избавиться.

Откидываюсь на спинку своего сидения, зажимаю ладони между коленок и устремляю невидящий взгляд прямо перед собой. Пара минут, и мы уже будем на месте. И это разъедающее насквозь чувство неловкости уйдет. Это глупо, но при такой близости к этому мужчине ощущаю себя блохастым котенком, которого подобрали из жалости. Вернее, мучают подозрения, что так меня видит сам Дамир. Обычно мне плевать – не знаю, почему так бесит сейчас…

Опускаю взгляд на свои короткие не накрашенные ногти и снова прячу руки между ног- ощущение усиливается. Далее мой взгляд падает на запылившиеся во время прогулки, когда-то белые кроссовки, и это мерзкое чувство достигает апогея. Черт…

Тем более, я то и дело почти физически ощущаю на себе чужой напряжённый взгляд. И что Керефов, разглядывая меня исподтишка, тоже все это подмечает. Мне бы, конечно, хотелось верить, что я ошибаюсь, но…

Машина трогается с места.

– Евгения, вообще-то у наших офисных работников принят дресс -код. И это точно не спортивная обувь и не толстовки, снятые с бывшего парня, – расслабленно выдает Дамир Тигранович, откинувшись на своем сидении и плавно поворачивая руль одной рукой.

Щеки мгновенно жарко вспыхивают. И я кусаю губы, чтобы не выдать что-нибудь лишнее. Инстинктивно поджимаю грязные кроссовки под свое кресло и бросаю быстрый злой взгляд на блестящие чистотой, идеальные ботинки Дамира…Будто сам себе их перед выходом вылизал…Козел.

– Я не ваш офисный сотрудник, Дамир Тигранович, – отвечаю наконец через пару секунд, поворачиваясь к нему. Вижу, как мгновенно каменеет его лицо от одной моей попытки возразить, и добавляю, чтобы смягчить свое заявление, – И меня никто не предупреждал.

У Керефова дергается кадык. Почему-то при виде этой прозаичной картины мне тоже хочется сглотнуть.

– Считайте, что я вас сейчас предупреждаю, Дубина, – чеканит он, так прямо и не смотря на меня. Его длинные смуглые пальцы, покоящиеся на руле, на секунду сжимаются крепче, и Дамир вкрадчиво добавляет, – И временно вы – МОЙ сотрудник. А значит ВЫ приходите к девяти, не нарушаете субординацию, придерживаетесь делового стиля. Ясно?

И мне достается косой жгучий взгляд. Такой жгучий, что лицо начинает гореть сильнее, а во рту так печет, будто мне насыпали на язык чили, и я теперь вполне способна изрыгать огонь. Но я держусь…Пока.

– Ясно, – и все-таки голос предательски звенит, словно натянутая тетива, – Ещё что-нибудь?

– Не бухать по будням, но я уже говорил, – неожиданно весело хмыкает Дамир Тигранович, чем выбивает почву у меня из-под ног, потому что я только что очень- очень злилась, но он…Что? Шутил?

– Ну, и юбки приветствуются, Дубина, – уж совсем странным бархатным голосом добавляет Керефов и хитро косится на меня, – Есть у вас?

– Извините, Дамир Тигранович, бывших парней в юбках у меня не было, – глухо парирую я, мстительно вспоминая ему характеристику, данную моей любимой толстовке. Боковым зрением ловлю, как он давит в себе загорающийся внутри смех. И почему-то меня буквально парализует эта картина. То, как он поджимает губы в тонкую упрямую линию, но на щеках все равно проступают глубокие,

совсем мальчишеские ямочки, и даже коротко стриженная борода их не способна скрыть. То, как вспыхивают искорками черные, пронзительные глаза и словно начинают светиться изнутри. Воздух в машине будто густеет, пропитывается чем-то, и мне становится сложно дышать. Накатывает легкая паника, душно, мозг смутно сигнализирует об опасности…Я хмурюсь и тру лоб, прикрывая глаза.

Кажется, мы уже приехали, и Керефов паркуется.

Немного отпускает… – Ну, это радует, – роняет Дамир, выключая зажигание и отщелкивая ремень безопасности.

– Что? – рассеянно интересуюсь я, потеряв нить разговора.

– Что в вашем послужном списке не было ни извращенцев в юбках, ни лесбиянок, Дубина.

– Ну и что, даже если бы были, Дамир Тигранович, – лениво огрызаюсь я, тоже отстегивая ремень, – Какая вам разница?

– Вот и я не понимаю, какая, – будто сам себе говорит Керефов и покидает салон, сильно хлопнув дверью.

Не дожидаюсь, пока он проявит галантность и откроет мою, и выхожу тоже.

6.1

Минуя проходную, мы направляемся к лифтам. Керефов жмет кнопку вызова и опирается плечом о гранитную стену, исподлобья смотря на меня и рассеянно потирая щетину.

– А почему пешком шли? Не на машине? – интересуется он, когда металлические двери кабины разъезжаются, – Сюда неудобно добираться на общественном транспо…

– Я на машине, – перебиваю я, первой заходя в лифт. Оборачиваюсь к нему, лопатками упираясь в металлическую стену, и пытаюсь сказать без ехидства, но у меня, похоже, ни черта не выходит, – Просто ваша профессиональная помощница Элина не заказала на нее пропуск. В итоге меня развернули на проходной и пришлось парковаться на Двинской, а потом идти пешком.

Не знаю, что такого смешного я сказала, но четко очерченные губы Дамира вновь дрогнули от сдерживаемой улыбки, когда он нажимал на четвертый.

– Мне на второй, – напоминаю я, смотря на панель с цифрами.

– Вам со мной, – отрезает спокойно Керефов и все-таки улыбается. Криво и щуря черные глаза, – И она не помощница – она секретарша. И да, вполне профессиональная.

–Пф! Не сомневаюсь, – фыркаю я тихо, с трудом удерживаясь, чтобы не закатить глаза.

Дамир улыбается шире. И я машинально подмечаю, что глаз у него почти прошел…Когда он вот так снисходительно щурится, будто слишком много плохого думает о тебе в этот самый момент, красноты почти не видно…

– Не сомневаетесь в чем, Дубина? В ее профессионализме как администратора? – с иронией тянет Дамир, засовывая руки в карманы и облокачиваясь спиной на кабину, – Или намекаете, что у нее есть более интимные обязанности, в которых она профи?

Я вспыхиваю до кончиков ушей. Опять. Я не ханжа, но все-таки это очень скользкая тема для общения с малознакомым человеком, еще и твоим временным начальником.

Боже, он уже достал меня – вгонять в краску каждую долбаную минуту! И вообще, почему мне должно быть стыдно? Я что ли с секретаршей сплю?!

– А у нее правда есть такие обязанности? – в итоге с вызовом интересуюсь я, выгибая бровь и зеркаля его позу с руками в карманах.

Настает очередь Керефова раздраженно фыркать.

–Пф! Я что, похож на героя анекдотов?

Я бы ответила, но лифт дергается, останавливаясь. Двери разъезжаются, выпуская нас наружу. Керефов выходит первый, и мне ничего не остается, как семенить за ним по гулкому белоснежному коридору, не понимая, зачем он вообще меня с собой потащил. Спрашивать почему-то не хочется. Наверно потому, что каждая наша попытка заговорить заканчивается как-то неоднозначно. Дамир идет быстро, не оборачиваясь, утыкается носом в свой телефон по дороге. На один его широкий шаг выходит два торопливых моих, приглушенной дробью разносящихся по длинному коридору.

– Алло, да, звонил? – уже говорит с кем-то по телефону, а меня начинают терзать сомнения, что Дамир вообще помнит о том, что я семеню за его спиной.

Может просто развернуться и пойти на второй? Керефов дергает на себя ручку его приемной и все-таки придерживает передо мной дверь, не переставая с кем-то говорить. Нет, все-таки не забыл…

– Пропуск на машину ДубИной выпиши, – бросает подскочившей с места секретарше, на секунду прикрывая ладонью динамик, – И Крачкову через десять минут ко мне позови с документами по Новороссийску.

– Здравствуйте, Дамир Тигранович. Конечно, Дамир Тигранович, – раболепно бормочет профессионалка Элина, провожая липким взглядом начальника до самой двери кабинета, пока та за ним не захлопывается.

Я шагаю к столу Элины.

Даже не поздоровался с Санчо Панса своим. Мда…Ну, хоть не с одной мной Дамир – сама вежливость. Тепло улыбаюсь профессионалке, почувствовав родственную душу.

Но, оказывается, что очень зря.

Потому что, как только дверь за большим боссом с глухим стуком закрывается, овечье выражение сползает с ее прекрасного лица, и на меня взирает шипящая змея, а не готовая на все ради Керефова секретарша.

– Могла бы и не жаловаться сразу. Я просто забегалась, – цедит она, плюхаясь в свое кожаное кресло, – Знаешь, есть и поважнее дела, чем пропуск на ДУбину выписывать.

Бросает на меня ядовитый взгляд и начинает хихикать.

– Ой, извини. НЕЧАЯННО ударение не туда…

– Ага, – киваю я, думая, что надо бы как-нибудь сообщить ей о своих тренировках по боксу, – Пропуск выписывай, Элина.

7.

– Сегодня я узнала, что мужчина, которого я ударила в ночном клубе, мой новый босс…

– Вы дрались вчера в клубе, Женя?

– Да…Это вышло случайно, правда. Он принял меня за мальчишку и…

– Вас это задело? То, что он вас принял за мальчика?

– Нет. Нет…Задело, что он отправил купить меня выпивку ему и моей подруге в достаточно грубой форме.

– И за это вы его ударили?

– Нет. Я, если честно, сейчас даже точно сказать не могу, за что…

– Вы жалеете о своем поступке?

– Нет. Наверно, это ужасно звучит, но я не жалею. После этого что-то мелькнуло в его глазах. Изменилось. И мне кажется, он теперь все время на меня по-другому смотрит.

– По- другому…И что изменилось? Как бы вы одним словом обозначили эту эмоцию?

– М-м-м…Одним не могу…Наверно "желание понять"…

– Вам это льстит, Жень?

– Да.

***

– Эй, Жек, не спи! – голос Тимофея врывается в моё сознание даже сквозь шум музыки в наушниках, и я выдергиваю капельки из ушей, поворачиваясь к нему.

– И не думала, – отвечаю я, ощущая, как моя искренняя улыбка становится напряженной, когда я обнаруживаю, что Тим заглянул ко мне в ячейку не один.

Медленно сажусь правильно, потому что до этого я залезла в свое любимое кресло, которое притащил Ромка на обеде, с ногами, и киваю Дамиру, хмуро взирающему на меня. Сначала на меня, а потом на открытую пачку чипсов около моей клавиатуры и бумажный стаканчик кофе. Мне хочется рявкнуть, что я просто не успела пообедать из-за этого чертового стула, а так я, конечно, в курсе, что не принято в таких компаниях хрустеть за рабочим столом, но я не собираюсь оправдываться.

– Евгения, не хотелось бы вас учить…– занудным голосом начинает Дамир, а я упрямо поджимаю губы и выпрямляю спину, – Просто попросите ребят показать вам, где у нас кухонный уголок, если сами не нашли.

На этом Керефов отворачивается от меня, демонстрируя, что разговор окончен, а я в который раз ощущаю, как у меня начинает гореть лицо. Сейчас на вопрос почему я не жалею, что ударила его, я бы ответила Елене Леонидовне точно по-другому.

– Тимофей, до завтра, – Дамир показательно тепло улыбается моему непосредственному шефу и энергично жмет ему руку.

– До завтра, Дамир Тигранович, – кивает Тим, и Керефов уходит, так больше и не взглянув на меня.

На прощание я уже даже и не претендую…Злопамятный грубиян!

– Ну, что подписали? – обращаюсь к Тимохе, запуская руку в пакет с чипсами.

– Да, отлично все, – кивает Райкин и недовольно морщится, смотря на меня, – Что тут реально за свинарник устроила, Жек! У тебя даже на щеке крошки!

– А, правда? Черт…– стряхиваю предательские чипсы с лица, – А я и думаю, что он так смотрит на меня…

– Да, мне показалось, что сейчас взглядом подожжет, и ты задымишься, – смеется Тим, опираясь задницей о край стола, – Ну, что? Все установила? Разобралась?

– Да, уже час сижу бездельничаю – вообще заняться нечем, – вздыхаю я, – То хоть с Ромкой можно было потрещать, а он на совещание какое-то пошел… Может поговоришь с Керефовым, чтобы у меня был свободный график, а?

– Давай попозже, – отмахивается Тимофей, и устанавливает на мой стол свой ноут, а потом ворует у отсутствующего Ромы стул, – Только начали работать. Там по ходу разберемся как удобней будет, да?

– Ладно…

– Ну что, давай начинать? Мне к системе надо подключиться…– Тим уже запускает свой ноут, в предвкушении потирая руки.

Я тоже активизируюсь. Наконец-то начинается наша непосредственная работа. Чем быстрее закончим- тем лучше.

***

Неделю спустя.

– Может все-таки пойдем, а? Завтра доделаешь, – Ромка опирается плечом о тонкую офисную перегородку и вертит ключи от кабинета между пальцев.

– Не доверяешь? – киваю на связку в его руке, улыбаясь.

– Боюсь, забудешь сдать. Опять! – закатывает на это глаза Злобин, – А мне потом от безопасников выслушивать.

– Обещаю – сдам!

– Ла-а-адно, – и ключи с металлическим грохотом падают мне на стол, – Поверю в последний раз. Снова до ночи сидеть будешь?

– Тим только выслал всё, – вздыхаю я, разминая шею, – Но надеюсь, не до ночи. У меня еще бокс в девять.

– Ясно, – хмыкает Ромка, пятясь из нашей общей ячейки, – Завтра, значит, к обеду ждать…Ну, все, Жек, давай, пока! Не засиживайся.

– Ага, пока!

– Пока!

Ромкины удаляющиеся шаги глухо разносятся по опустевшему опен спейсу, щелкает выключатель, оставляя неоновый свет ламп только над моей головой, хлопает дверь и становится тихо-тихо. Только мерное жужжание моего компьютера и серверов в углу разбавляют эту гулкую густую тишину.

Я с наслаждением потягиваюсь в кресле и встаю, чтобы купить себе кофе в автомате в коридоре. Обожаю оставаться одна. Это какая-то совсем особенная рабочая атмосфера. Здание после шести словно засыпает, и собственные мысли слышатся четче. А то, что на все четыре этажа остались только я и пара охранников на первом, странно будоражит нервы.

Работать в ОАО "РЗК" оказалось не так и ужасно, как поначалу я себе представляла. Во- первых, вопрос с моим рабочим графиком решился уже на третий день благодаря адекватности и человечности Алексея Борисовича, начальника IT отдела. Дело в том, что Тимофей, верный себе и своему совиному образу жизни, садился за программу строго после 15:00, а то и позже. Пару раз он приехал в офис, остальное время мы с ним трудились через удаленку, но всегда это было ближе к концу рабочего дня. А еще иногда Тимофею необходимо было участие Романа, а так как у Ромы рабочий день строго до 18:00, его он привлекал первым, а я оставалась на закуску. То есть подключалась тогда, когда все нормальные люди уже собирались домой. Учитывая, что по требованию господина Керефова, являлась я строго к девяти, это, конечно, было не справедливо. И Алексей Борисович на третий день поинтересовавшись, правда ли, что вчера я опять ушла из офиса в девятом часу, разрешил приходить попозже.

Что думал по этому поводу сам Дамир Тигранович, я была без понятия, потому что после первого дня я его практически не видела. Два неловких пересечения в лифте с дежурным вопросом с его стороны "Как продвигается проект, Дубина?" и моим не менее дежурным ответом, что "Я думала, Тимофей вам доложил", и в общем-то всё.

Ещё один раз мы столкнулись на парковке. Но Керефов был так увлечен сажанием в свой седан профессионалки Элины, что меня, кажется, даже не заметил. Я решила не здороваться с этой чудесной парочкой и быстрее прошмыгнула в офисное здание. Хотя, конечно, очень хотелось узнать, куда это после работы начальники возят своих губастых секретарш…Пф…Не спит он с ней…Конечно!

Впрочем, мне было глубоко плевать…

И то, что я, забежав в фойе ОАО "РЗК" остановилась за зеркальными дверьми, из-за которых с улицы невозможно было разглядеть что внутри, и, незамеченная, проводила взглядом машину Дамира до самого поворота, ровным счетом ничего не значило. Просто…

Просто, когда ты знакомишься с человеком таким странным способом, а потом еще более неожиданно встречаешь его на следующий день, невольно начинаешь обращать на него слишком много внимания. Может, даже верить в

некую связь…

Если бы я была фаталисткой, то…Но я не она.

Работа над проектом потихоньку продвигалась, и я начинала верить, что за месяц мы действительно все успеем. Сотрудники в IT отделе мне нравились, с Ромкой даже успели сложиться вполне приятельские комфортные отношения. С несчастным занудой Владом тоже, хоть от его рассказов меня, как и в самый первый раз, дико клонило в сон. Премия, если мы не оплошаем, мне светила просто огромная, и я уже присматривала билеты на Бали и серф лагерь – давно мечтала научиться, а себя, как известно, нужно радовать.

Правда, мама умоляла приехать на день рождения к отцу в Новороссийск через месяц. Но я пока не хотела появляться в этом городе. Да и с папой мы виделись перед Новым годом во время его командировки в Питер.

Поставив двойной эспрессо рядом с клавиатурой, я открываю то, что прислал на обработку Тимофей, и не могу удержать протяжный страдальческий стон. Кошусь на часы в углу монитора и стону еще раз. Твою мать, почти семь вечера! А тут работы часа на три. Плакал мой бокс кровавыми слезами. Третий стон вырывается из меня, когда я беспомощно кошусь на спортивную сумку, сиротливо ютящуюся в углу офисной ячейки. Не хочется пропускать тренировку.

Так, ладно. Что успею до половины девятого – сделаю, и побегу. Остальное – утром. Раньше двенадцати Тимка все равно проверять не будет. Решив так, засовываю капельки наушников в уши, включаю БИ-2 и приступаю к работе.

8.

Часы на мониторе безжалостно подбираются к 20:30, а я сделала только половину. Тру ладонями уставшие глаза, откидываясь в своём кресле. Позднее время уже дает о себе знать, и соблазн пропустить тренировку растет с каждой секундой. Вот только в голове стоит тихий гул от перегрузки, и вряд ли я сейчас, если останусь, смогу все закончить – скорее всего, прокрастинируя, просто буду тупо пялиться в монитор.

Так что лучше уж побить грушу.

Тем более Санька обещал подъехать в зал и устроить мне жесткий спарринг, а значит точно взбодрюсь. Сладко потянувшись до хруста в затекших шейных позвонках, я сохраняюсь и сворачиваю программы. Хватаю сумку с формой и перчатками, пока гаснет монитор, быстро навожу на рабочем месте косметический порядок и покидаю ячейку. Мои быстрые шаги гулким эхом разносятся по пустому опен спейсу. Уже в дверях придирчиво обозреваю офис на предмет незакрытых окон и, удовлетворенная, щелкаю выключателем, погружая большой кабинет в густую темноту. Закрываю опен спейс на ключ и спешу к лифтам.

В пустынном коридоре лампы, снабженные датчиками движения, четко высвечивают пару метров передо мной и пару за, создавая эффект, что я иду в черное "никуда" из мрачного «ниоткуда». Слух невольно напрягается, пытаясь распознать еще хоть какие-то признаки жизни в опустевшем здании, но здесь мертвенно тихо. Я знаю, что на первом этаже дежурит охрана – целых два человека, но здесь, на втором, ни души, и это инстинктивно нервирует. Я ускоряю шаг, перебрасывая спортивную сумку поудобней через плечо, объясняя себе свою торопливую походку тем, что просто не хочу опоздать.

У лифтов светло и пусто. За панорамными окнами в холле уже совсем темно, лишь грустно мерцают одинокие портовые фонари. Работа кранов не останавливается, но она какая-то бесшумная и унылая по сравнению с дневной суматохой. Нажимаю кнопку вызова и опираюсь плечом о стену. Тихий скрежет пришедшего в движение лифтового механизма доносится до моих ушей. На секунду устало прикрываю глаза, думая об одном из кодов, который прислал Тимоха. Он мне не нравится – что-то не идет. Нутром чую, что вылезет ошибка. Лишь бы все не перекосило из-за нее…

Створки пришедшего лифта медленно разъезжаются передо мной, и я, не глядя, задумчивая, ступаю внутрь, на ходу с большой амплитудой сбрасывая с плеча сумку.

– Твою мать, Дубина! – рычит кто-то темный в углу лифтовой кабины.

Темный, большой и, судя по недовольному рыку, очень злой. Я отшатываюсь в противоположную сторону словно смертельно раненая лань и встречаюсь с

черным сверкающим взглядом.

– Извините, Дамир Тигранович, не заметила, – бормочу смущенно, прижимая сумку к животу, будто это щит.

–Ну, да, – язвительно хмыкает Керефов, потирая ушибленный бок.

Моргаю, и он одним каким-то невероятно стремительным движением оказывается от меня всего в паре сантиметров. Тут же органы чувств оглушает от лавиной навалившегося ощущения тепла чужого тела и запаха, пробирающегося в нос. Я шире распахиваю ресницы, чувствуя, как приоткрываются губы и вдоль позвоночника скатывается колкий нервный жар. Дамир криво улыбается, продолжая смотреть прямо мне в глаза, чуть наклоняется ближе, упираясь животом в мою спортивную сумку и…просто нажимает кнопку лифта у моего плеча.

Нажимает и делает пару шагов назад, пока не упирается спиной в противоположную стенку поехавшего лифта. Черные глаза внимательно следят за мной, не скрывая насмешку.

Такой идиоткой я не чувствовала себя наверно никогда. Я что? Реально думала, что он меня сейчас тут зажмет? Думала и просто замерла??? Хочется провалиться в лифтовую шахту со стыда…Хмурюсь и опускаю взгляд на свои руки, обнимающие спортивную сумку, потому что смотреть в лицо, похоже все понявшему Керефову, нет никаких моральных сил…

Всего один этаж, каких-то несколько секунд, и мы приедем…Мысленно начинаю отсчет.

– Вы там не принтер решили унести, Дубина? Зачем вам такая огромная сумка? – интересуется тем временем Дамир Тигранович, вдруг решивший поговорить.

– Ваши принтеры оставьте себе, – глухо огрызаюсь я, – У меня тренировка по боксу.

– Боксу? – в голосе Керефова сквозит искреннее удивление. Сначала. Потом он уже с иронией добавляет, – А, ну да, справа удар у вас хоро…

Но Дамир не договаривает, так как свет в кабине ярко вспыхивает, моргает, лифт судорожно дергается, со скрежетом стопорится. Лампы жалобно звякают… И всё. Мы останавливаемся и погружаемся в кромешную тьму.

Нет!

Только не это! Нет!!!

В глазах черно. Я ничего не вижу. Вязкая, непроглядная тьма душной паникой окольцовывает горло, мешая вздохнуть. Мысль, что я в железной подвешенной коробке, из которой не выбраться, парализует. Тепло слишком близко стоящего чужого мужчины прошивает опасностью, и на коже выступает липкая испарина.

Я судорожно сглатываю, прикрывая глаза.

Ничего такого – уговариваю себя. Просто чернота. И мне страшно…Страшно так, что подкашиваются ноги, что сердце отказывается стучать.

Все, что вокруг меня сейчас – мой оживший кошмар: тьма, закрытое пространство и резкий аромат мужских феромонов. Я пытаюсь мыслить логически, пытаюсь договориться со своей сломанной головой, что именно здесь, именно с ним мне ничего не грозит. Но ни черта не выходит! Это слишком глубоко внутри, засело на подкорке, и я столько лет уже не могу это вытравить.

Логика? К черту логику! Я просто хочу выйти!!!

– Бл…– словно сквозь вату доносится до меня раздосадованное бормотание Керефова, – Сейчас вызову охрану…

Гул в ушах все нарастает…

Слышу, как Керефов жмет на кнопки лифта. Наверно, на колокольчик, чтобы вызвать диспетчера. Черноту вокруг разрывает засветившийся экран его мобильника, и я хотя бы могу сдавленно вздохнуть. Темный профиль мужского лица в полумраке выглядит пугающим и резким, но это хоть какая-то связь с реальностью. Вжимаюсь лопатками в стену кабины и до боли впиваюсь ногтями во влажные ледяные ладони в попытке подавить нарастающую паническую

атаку.

Где-то на краю уплывающего сознания понимаю, что, если дам ей сейчас волю, потом мне будет очень…ОЧЕНЬ стыдно…

И я усилием воли глушу подступающую истерику в себе. Нас сейчас вытащат, свет заработает. Сейчас! Он ничего…ничего мне не сделает…Это глупо!

Керефов в это время протяжно вздыхает и устало трет глаза.

– Не ловит. У вас ловит, Жень? – его черное, едва подсвеченное снизу лицо поворачивается ко мне.

Я кусаю губы, не сразу понимая, чего он от меня хочет. Слышу только "Жень", впервые сорвавшееся с его губ. И в данной обстановке это звучит пугающе интимно. Жень…Будто в темных углах кабины засели лангольеры и пожирают сейчас так необходимые мне барьеры между нами. Жень…

Керефов чего-то ждет, продолжая смотреть на меня.

– С вами все в порядке? Вы слышите? – наконец напряженно интересуется он, и поворачивает экран своего мобильного так, чтобы можно было разглядеть мое лицо.

Чёрт…Отшатываюсь и резко опускаю наверняка круглые от ужаса глаза.

Женька, соберись! Он просто хочет, чтобы ты позвонила…

– С-сейчас,– голос дрожит тихой истерикой.

Начинаю суетливо копаться в сумке. Пальцы не слушаются – дрожат. Стены давят…Мне кажется, или они правда сужаются??? Громко всхлипываю, не будучи в состоянии выудить из этого адского мешка телефон. Да что такое, а???

– Жень, вы что? – в голосе Керефова отчетливо прорезается то ли раздражение, то ли тревога. И это неожиданно немного успокаивает – четко ощущается, что находиться здесь с истерящей мной – последнее, о чем он мечтал, – Испугались

что ли? Ничего страшного не случилось! Просто свет отключили наверно.

– Да, я знаю, – опять всхлипываю, – Просто не люблю закрытые темные пространства…Очень…Не люблю…

– У вас клаустрофобия в придачу ко всему? – по голосу слышно, что хмурится, – Давайте я поищу телефон, можно?

И, не дождавшись разрешения, мягко вырывает сумку из моих ослабевших пальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ana-sakru_/nakazanie-damira

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити